

ВИКТОРИАНСКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

АННА ДАШЕВСКАЯ

КАСТРЮЛЬКА С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

ФЭНТЕЗИЙНЫЙ ДЕТЕКТИВ
С КУЛИНАРНЫМ УКЛОНОМ

Анна Дашевская
Кастрюлька с неприятностями
Серия «Магия
викторианского детектива»
Серия «Хроники Союза
королевств», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25920149
*А. Дашевская. Кастрюлька с неприятностями: Мультимедийное
издательство Стрельбицкого; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-152753-2*

Аннотация

У Лизы фон Бекк необычная профессия: она специалист по запахам. Лиза живет спокойно и скромно, подбирает пряности для блюд в ресторане «Олений рог», что в Верхнем городе Люнденвика, и ведет дневник. Вот только почему-то в дневнике скромной воспитанницы монастырской школы однажды появляется запись об отравленном бульоне. Дальше – больше: она нанимает на работу привидение и получает приглашение на королевский бал, ее похищают загадочные злодеи и оставляют в заколдованном районе города...

Необычные нити вплетаются в полотно этой истории, и, уж конечно, не обойдется здесь без магии. И без любви...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

89

Анна Дашевская

Кастрюлька с неприятностями

© Дашевская А., 2023

© ООО «Издательство «АСТ», 2023

* * *

10 сентября 2183 года

Все-таки идти на работу пешком к четырем часам дня существенно приятнее, чем к девяти утра добираться любым видом общественного транспорта.

Тротуар был вымощен розовыми каменными плитками, вдоль него высажены липы, с которых еще не полностью осыпались золотые листья; двери лавочек на бульваре периодически распахивались, обдавая идущих то запахом свежих булочек с корицей и кардамоном, то ароматом новомодных духов и пудры, то сладкой свежестью апельсинов. Можно было сказать, что от дома до работы меня вели не только глаза, но и запахи...

Потому что, собственно говоря, запахи – моя профессия. Я – нос.

Эта особенность моего организма выяснилась довольно

рано, когда я только начинала говорить, года в полтора. Я с закрытыми глазами отличала маму от бабушки и папу от дядюшки Ф. А как же иначе, ведь все они пахли по-разному! Бабушка – яблоками, мама – ванилью и медом, который, когда она сердилась, становился горьким и насыщался нотками черного перца. Папа с утра пах лавандой и можжевельником, а вечером приносил домой резкий запах лошадиного пота, дубленой кожи и свежей травы. Дядюшка... С ним было сложно. Он пах книгами, пергаментом, горящими свечами, а еще почему-то грозой, хвоей и солью. Ладно, что тут вспоминать, вся моя семья оказалась далеко, на другом конце немаленького континента, так уж вышло.

В раздевалке меня встретила Майя, единственная, кого я могла назвать подругой в этом городе. Глаза у нее горели зеленым кошачьим светом от распирающих новостей.

– Ты еще не в курсе! – Нет, это был не вопрос, а явное утверждение. – Сейчас лопну! Давай переодевайся, я тебе все расскажу.

Я сняла уличную одежду, быстро приняла душ и пробежала через сушилку, после чего стала неторопливо надевать униформу – белые рубашку, комбинезон и шапку, под которую убрала волосы. Майя приплясывала рядом в нетерпении.

– Идем, идем скорее, у нас есть первая чашка кофе! – тянула она меня за рукав.

Ресторан еще был закрыт: он открывался с восьми часов

вечера только на ужины. А пока столики в зале не накрыли белоснежные скатерти, пока не были расставлены цветы и зажжены свечи, персонал мог пообедать и выпить чашку кофе.

– У нас будет новый шеф! – выпалила Майя, едва мы сели.

– И что? – поинтересовалась я, выбирая печенье посуше. – У нас уже давным-давно ожидается новый шеф, с тех пор как Дэвид ушел на дворцовую кухню. Хотя, лично на мой взгляд, стоило бы отдать нас под командование Фреда. Ничего лучше не придумаешь.

– Ты не понимаешь? У нас СЕГОДНЯ будет новый шеф. Через полчаса приглашают на кухню знакомиться! – Майя со стуком поставила чашку на блюдце. – Ну что ж ты такая деревянная, а?

– Через полчаса все мы так и так будем на кухне – тебя ждет крем для пирожных, а мне надо подобрать пряности к оленине. Кстати, где Норберт?

– В кабинете, разумеется, как раз ведет беседу с новым ше-е-е-фом... – Последнее слово было моей неугомонной подругой почти пропето.

В общем-то, неудивительно, что она так радовалась – при том уровне конкуренции, который существует среди ресторанов в нашей столице, трудно выжить, не прикрываясь лавровым венком кого-нибудь именитого. А вдруг действительно случится чудо и к нам придет новый Брийя-Саварен?

– Ну отлично, тогда пошли. В восемь ресторан должен от-

крыться, и никто из клиентов не будет ждать, ты же знаешь! – Я забрала с собой грязные чашки, донесла их до посудомойки и отправилась в кладовую.

Все стены небольшой прохладной комнаты были закрыты деревянными стеллажами, на полках которых стояли бесчисленные банки и баночки с притертыми пробками. Отдельный стеллаж занимали ступки: деревянные, из твердой и гладкой оливы – для можжевельных ягод и кардамона; фарфоровые, купленные в магазине химреактивов, – для кристаллов морской соли, зерен зеленого и розового перцев, черной или же желтой горчицы. Сверкали полированными боками мельницы, терки для мускатного ореха, ложечки и ножички. Сухие травы для готовки я, разумеется, хранила в плотно закупоренных стеклянных банках, но не могла отказать себе в ежедневном удовольствии и развесила у дальней стены несколько пучков особо ароматных: пажитника, лимонного сорго, несколько веточек каффир-лайма.

Это было моим царством вот уже четыре года, с того самого дня, как мы с Норбертом поспорили, зацепившись языками на какой-то необязательной вечеринке у общих знакомых, смогу ли я опознать вслепую все пряности, которые он найдет в своем ресторане. Разумеется, спор он проиграл. Не так их было и много на его тогдашней кухне, различных пряностей. На тридцать втором образце (как сейчас помню, это был орегано), Норберт поднял руки и сказал:

– Сдаюсь! – Все присутствующие заплодировали, а он до-

бавил: – И прошу леди осчастливить мое скромное заведение, приняв под свою руку нашу кладовку ведьмы!

Не знаю, почему я согласилась.

То есть нет, знаю, конечно, – хотя я и не нуждалась в зарботке, сидеть без дела было скучно. Я не вела активную светскую жизнь, не увлекалась оздоровительными практиками, у меня не было детей или мужа, и постепенно свободное время стало меня просто съедать. Иной раз я не могла вспомнить, чем же занималась весь день. Так что идея поработать в ресторане, да еще и заняться любимым делом была принята на ура. С тех самых пор эта комнатка, отделанная теплым золотистым деревом, стала мне вторым домом, наполнилась постепенно любимцами и находками, инструментами, результатами экспериментов и тетрадями с записями.

Сегодня в меню гвоздем программы было сезонное блюдо – оленина. Несколько дней назад официально начался сезон охоты на оленя, и его величество Кристиан II, главный охотник страны, открыл его, недрогнувшей рукой застрелив громадного красавца. Размеры оленя, вес, размах рогов, а также изображение анфас и в профиль за эти дни многократно растиражировали газеты и Сеть. А поскольку наш бывший шеф-повар, Дэвид Бочковски, царствовал теперь на главной кухне королевского дворца, то и ресторан (называющийся, кстати, вполне в тему – «Олений рог») мог похвастаться в ближайшие дни блюдом из королевской оленины. Мое же дело было – подобрать к блюду достойные пряности.

Я открыла притертую пробку и задумчиво поворошила пальцами можжевеловые ягоды в стеклянном сосуде. Одна или все-таки две на порцию? С остальным было понятно – розмарин, сычуаньский перец... Да, и, пожалуй, немного апельсиновой цедры для желе из красной смородины!

Отобрав нужные пряности, я плотно закрыла все емкости и вышла из комнаты. У плиты командовал Фред, а он любил получать все необходимое заранее, чтобы не спохватываться в последнюю минуту. Вот ведь, еще и неизвестно, как будет работать новый шеф, какие у него будут капризы. А что они будут – можно было и к гадалке не ходить, без этого звездных шефов не бывает! Упомянутый уже Дэвид, например, терпеть не мог тимьян. И никогда не готовил с ним, сколько бы я ни рекомендовала. Я притормозила возле плиты, где на маленьком огне булькал бульон. Что-то в его запахе показалось мне странным.

– Фред?

– Что? – Шеф писал и подсчитывал что-то в крохотном блокноте. Интересно, от чего же я оторвала его? – О, это ты, Лиза. Вовремя! Где пряности для оленины?

– Уже готовы. Скажи мне, что за бульон у нас сегодня? Ты варил?

– Я, конечно! Варил, процеживал, ставил на заморозку – все я, у нас других кухонных мальчиков нету! – Так, если это не прекратить, то вместо ужина посетители ресторана получат сегодня плач о трудной жизни шеф-повара.

– Фред, с бульоном что-то не так. Он странно пахнет, я такого запаха и не слышала никогда.

– Не может быть! – Фред сунул нос в кастрюлю, принюхался и задумчиво посмотрел в окно. – Да, странно. Сейчас попробуем, в чем там дело.

– И это называется «порядок на кухне»? – вступил в разговор новый голос. Неприятный, скажу прямо. Такие чаще всего бывают у капризных закормленных подростков. – Что здесь вообще происходит? Почему посторонние толкуются возле плиты?

Ответом на это стали грохот, плеск разлившейся жидкости и глухой стук. Увы, Фред успел-таки попробовать подозрительный бульон...

Через сорок минут, когда «Скорая помощь» увезла беднягу Фреда, слава всем богам, потихоньку приходящего в себя; когда полицейский расследователь уже начал вызывать сотрудников по одному в кабинет Норберта, ставший теперь местом проведения следствия; когда белый от злости и волнения Норберт вспомнил наконец, что нужно повесить объявление о временном закрытии ресторана и посадил Майю обзванивать клиентов, забронировавших столики... словом, когда вся эта фантазмагория постепенно стала утихать, я вспомнила, наконец, про незнакомый голос.

– Слушай, а кто это был? – поймала я Норберта за рукав.

– Где?

– Мы с Фредом обсуждали проклятый бульон, когда кто-

то ввалился в дверь и начал орать. Только я так и не поняла, кто же это был. Как-то не до того сразу стало. Пухлый такой коротышка в фиолетовом, похож на Родрика XVIII – глаза навывкате.

– А! Так это был господин Ландорсэль, наша новая звезда, – вспомнил Норберт.

– Звезда моей печали... Он точно «Ландорсэль»? Что-то не очень на эльфа похож, ни статью, ни голосом не тянет. Где ты его взял?

– Рекомендовали. Скажем так – ОЧЕНЬ рекомендовали, так что отказаться не получилось. Ну, понятно, от эльфийской крови там может быть одна восьмая, просто был господин Ландор. А потом то-се, деньги, нежная дружба с главой столичной службы регистрации, и имечко удлинилось, обрета эльфийский суффикс...

Н-да. На чем же поймали Норберта, если он согласился взять шефом такого сомнительного типа? Или я слишком нервно реагировала? Впрочем, не мое это было дело. Но вот ощущала вторым по чувствительности (после носа) органом, что огребем мы неприятностей еще с этим недоэльфом...

– И куда он делся? – поинтересовалась я. – Неужели сбежал навсегда?

– Ну, его первого допросили, поскольку он тут вроде бы пока посторонний, и отпустили. Не знаю, рассчитывать ли на него теперь.

– Знаешь, я бы на всякий случай не рассчитывала, даже

если он вернется. Как-то он не вписывается в это блюдо.

– Тухлый? – хмыкнул Норберт.

– Похоже на то. – И мы согласно ухмыльнулись. – Госпожа Лиза фон Бекк! – со всем усердием проорал от двери рослый полицейский в блестящем шлеме.

– Ну, вот и мой черед. – Я со вздохом поднялась и отправилась на допрос.

– Госпожа фон Бекк? – не поднимая головы, спросил полицейский, сидящий за рабочим столом в кабинете Норберта. От двери я видела только его русую макушку, освещенную настольной лампой, да левый погон черного мундира. Погон был насквозь золотой, видно, немалый чин этот следователь.

– Здравствуйте. – Я не стала дожидаться приглашения и села в кресло. – Да, я Лиза фон Бекк. Спрашивайте.

– Это ваше родовое имя? Где и когда вы учились?

– Я... – Тут я задохнулась, потому что полицейский поднял голову, и я увидела широкую улыбку и знакомые серые глаза Дэна Паттерсона. Старины Дэна, моего друга детства! – Не может быть. Дэн!

– Но-но, мадам, берите выше – глава столичного управления безопасности господин майор Паттерсон! – И Дэн, вскочив, обежал вокруг стола, чтобы сдавить меня в объятиях.

Мы не виделись лет десять, с тех самых пор, как разъехались из нашего городка в разные стороны, чтобы завершить образование – Дэн в Королевской военной академии, а я, как

полагалось девице из хорошей семьи, – в монастыре Святой Бригитты. Знакомы мы были, можно сказать, почти с пеленок. Ну, уж с песочницы-то точно. Дэна родители привели на мой день рождения, когда мне исполнялось три года. С тех пор мы были, что называется, «не разлей вода». И если случалась какая-то неприятность в маленьком тихом городке Вицнау, что спрятался в горах далеко к югу от Люнденвика, то почему-то в первую очередь всех вокруг интересовал вопрос: «Где эти кошмарные дети?»

Интересными дорогами нас вело, если обоих в итоге вынесло сюда.

– Ну, рассказывай, – велел Дэн, снова усевшись за стол. – Какой Темный принес тебя на эту галеру?

– Работаю здесь, – пожала я плечами. Вот кому соврать не получилось бы, так это Дэну: и про семью мою он все знал, и то, сколько денег у меня лежало в гномьем банке, наверняка представлял. Да и характер мой ему был хорошо известен.

– Ты работаешь? В ресторане?! Зачем?

– Ну а что я должна была делать? Возвращаться домой не хочу, светская жизнь меня не интересует, а магия теперь недоступна. Здесь я работаю с пряностями, вкусно ем. У меня тут друзья...

– Ладно, я понял. Это ты обратила внимание на бульон? – вернулся Дэн к самой важной теме.

– Да.

– Почему?

– Потому что я – нос! Он пах не так, как должен был! Аромат хорошего бульона чуть сладковатый и очень насыщенный, а уж бульон для консоме¹, который варит Фред, вообще пахнет сказочно! От этого же тянуло чем-то кисловатым и неприятным...

– Хорошо, предположим. А если бы господин Борнлиф не попробовал бульон, что бы с ним делали дальше? Кто-то еще пробовал бы его до подачи?

– М-м-м... пожалуй, нет. Рецепт испытанный, мы такое консоме подаем уже три года. Кастриюлю просто отставили бы в сторону и разливали по заказу. Погоди... то есть выходит, что нельзя было заранее сказать, кому первому в тарелку попал бы этот подарочек? – Я схватила за медальон. Вот такая привычка еще с детства: когда напряженно думаю, кручу в пальцах образок святой Эрменджилды. – Получается, напакостить хотели не Фреду Борнлифу, а ресторану, то есть Норберту Редфилду!

– Вот именно. – Дэн хотел добавить что-то еще, но меня снова осенило.

– Погоди-погоди! А если учесть, что его, Норберта то есть, вынудили взять на работу в качестве шеф-повара сущее недоразумение, получается, что кому-то мешал ресторан? Но это же чушь! Ну подумаешь, ресторан, даже популярный – их в Люнденвике десятки и сотни. – Я перевела

---

¹ Консоме – концентрированный прозрачный бульон, сваренный из разных видов мяса.

дух. – А уже известно, что было добавлено в бульон?

– Пока нет, исследуем.

– Нет, погоди, я задала неправильный вопрос. Запах был совсем другой. И мы можем установить момент, когда это что-то было добавлено.

– Я не понял. – Дэн смотрел очень внимательно. – Почему, поясни.

– Потому что он готовится по особому рецепту. Не буду рассказывать подробности, это Фредова страшная тайна, но важный момент – готовый бульон процеживается, замораживается, а потом оттаивает в леднике при плюс четырех градусах. Ну, такой способ очистки. Размораживается долго, больше суток. Все это время никто на него не смотрит. Но ведь в ледышку яд никак не добавишь. Значит, или отравили, пока бульон варился, или добавили яд в момент между полной разморозкой и началом работы, правильно?

– Наверное. Я мало что смыслю в варке бульонов. А скажи мне, где у вас ледник?

– В дальнем коридоре. Слева деревянная дверь, там мое хозяйство, а напротив металлическая, за ней царство холода. Но там магический замок. – Тут мне самой стало смешно. На всякий магический замок найдется не менее магическая отмычка.

– Ясно. Ну, хорошо, госпожа фон Бекк, королевское управление безопасности благодарит вас за сотрудничество.

– А ресторан? – спросила я с тревогой.

– Пока будет закрыт до особого распоряжения. Неофициально говоря – дня на три-четыре.

– Ясно... Ты Норберта уже отпустил?

– Владельца? – Дэн кивнул. – Да, я с ним говорил и сказал, что он свободен, но думаю, никуда он не ушел.

– Хорошо, пойду с ним поболтаю. И Дэн...

– А?

– Если будет возможность, держи меня в курсе. Хотя бы чтобы знать, надо ли опасаться. И чего...

– Ладно, – протянул задумчиво Дэн. Зная его, я могла быть уверена, что он прикидывает, как можно использовать наше давнее знакомство для ускорения расследования. – У тебя есть личный коммуникатор?

– У меня только личный и есть, – усмехнулась я. – Буду ждать.

Норберт и в самом деле все еще был в кухне. Да и не только он: Майя сидела у кондитерского стола и выстраивала фигуры из ядрышек фундука, Судзуки с непроницаемым лицом разгадывал кроссворд в газете, напечатанной иероглифами, Хаким каждые пять минут выглядывал в окно, как будто гигантская акация, которая росла здесь уже лет триста, могла выйти погулять. В общем, все были при деле. Хорошо еще, что официанты должны были появиться к половине восьмого вечера. Хотя бы их встревоженные физиономии перед глазами не маячили.

– Что слышно из больницы? – задала я общий вопрос.

– Ничего пока. Ну, то есть желудок Фреду промыли, жить будет. К нему вызывали королевского медика, мэтра Карсинэля, эльфы же лучше всех с отравлениями работают, – ответила Майя. – А что сказал наш полицейский?

– Не полицейский, а безопасник. Так что мы с вами, дорогие мои, вляпались в дело, касающееся высших вопросов защиты. Ничего внятного он не сказал, как можно догадаться. Велел всем быть в пределах досягаемости. В конце концов, это я первой унюхала ту неизвестную гадость.

– Душа моя. – Норберт прекратил бессмысленное кружение по кухне и остановился передо мной. – Если бы ты ее не унюхала, то мы вполне могли бы на основе этого бульона сделать соус к оленине, например. И подать клиентам.

Тут он схватился за голову. Нет, вот ей-богу – я всегда считала это выражение вполне умозрительным, как бы символом полного отчаяния. Но Норберт действительно держался за голову и даже, кажется, готов был ею побиться о стену.

– Кстати, насчет оленины, – сказала я бодро. – Не гнить же добру! Даже если нас откроют через три дня, мясо может и не дожить. Ну ладно, мы его, конечно, закроем стазисом², но вкус-то уже будет не тот, а? Ведь можем же мы для поддержания сил того... по кусочку... а?

Хаким оживился и полез на полку за любимой сковородкой, а я достала желе для соуса. В конце концов, не пропа-

---

² Стазис – энергетическое поле из научной фантастики, останавливающее любые физиологические процессы.

дать же приготовленным пряностям.

Коммуникатор просигналил очень поздно вечером, практически ночью. Я еще не спала: при таком графике работы раньше трех я и не ложилась, но к звонкам после полуночи все равно относилась неодобрительно. С другой стороны, этот неожиданный звонок вполне мог быть связан с бульонными приключениями.

Отвечу, пожалуй.

– Слушаю. – Экран я оставила темным; с какой бы стати мне показываться неизвестно кому в шелковой пижаме с гигантскими розами.

– Лиза, это я. Ты дома? – Да уж, вот неожиданность. Мне звонил Дэн Паттерсон. Майор Паттерсон. – Можно я зайду?

– Дома. Конечно, давай. Через сколько тебя ждать?

– Да, собственно, я уже здесь. Возле калитки.

– Ну если ты переживешь мой вид в пижаме, то открываю. – Я нажала кнопку, отпирающую вход во двор.

Мой дом нельзя назвать особняком: в нем всего два этажа, чердак и подвал. Или, считая по-другому, – три спальни, гостиная, кабинет-библиотека и кухня. Но это было по-настоящему хорошее здание в благополучном районе, и я выбрала его и купила сама. В моей жизни это второй осознанный и полностью самостоятельный выбор – первым случаем я считала отъезд из Вицнау сюда, в Люнденвик, когда вся моя семья отправилась в Сиам. Я почти никогда не откры-

вала дверь посторонним и даже не вполне посторонним, но пришедшим без приглашения. Дело было даже не в старой поговорке «мой дом – моя крепость». Просто у каждого человека должно быть место, где он мог остаться один. Кому-то хватало для этого стола и стула в библиотеке, ну а мне дом был в самый раз.

Сквозь цветное витражное стекло входной двери тенью маячила высокая фигура Дэна. Я помедлила мгновение и приложила ладонь к магозамку. Со щелчком дверь отворилась.

– Кофе дашь? – Дэн не утруждал себя приветствиями. В конце концов, не так давно виделись. Не так давно, как в прошлый раз.

– Дам, конечно. Сейчас сварю. Проходи, садись вот у камина. – Я не стала бросать в пасть камина магический огненный шарик, а добросовестно разожгла дрова. Настоящие дрова и настоящей спичкой. Впрочем, труда это не составило, и огонек мгновенно побежал по горке тонко наколотых поленьев. – Можешь курить, если хочешь.

Варка настоящего кофе – процесс небыстрый: смолоть зерна, залить холодной водой, согреть в горячем песке до подъема тонкой пенки, дать слегка отстояться... Все это занимало немало времени. Когда я вернулась в гостиную с подносом, Дэн спал в моем любимом кресле, откинув голову и уронив на пол незажженную сигару. Я поставила поднос на стеклянный столик, налила кофе в чашку из тонкого чин-

ского фарфора и аккуратно поднесла ее к носу спящего. Конечно, через мгновение Дэн, истинный кофеман, приоткрыл глаза.

– О! Это я что, задремал?

– Ты попросту уснул, мой дорогой. – Я усмехнулась. – И даже слегка похрапывал. Пей и рассказывай. Ты же с информацией ко мне пришел, а не просто на чашку кофе?

– Берешь быка за рога? Да, отвык я с нашими придворными дамами от прямых вопросов... Ну ладно, слушай. Во-первых, ты была права – наш маг в Службе безопасности смог установить, что отраву добавили в момент между полным размораживанием и началом нагревания. Как ты считаешь, в какое примерно время этот кусок ледяного бульона полностью растаял?

– Я думаю, что ваш маг назвал время полной ликвидации кристаллической структуры льда, но если без науки, по опыту... Думаю, часам к шести-семи утра. Так?

– Молодец. В шесть пятьдесят исчез последний ледяной кристаллик.

– Ага. А Фред поставил бульон прогреваться, я думаю, часа в четыре дня?

– Именно. Он так сказал, и маг это подтвердил.

– Но шеф пришел в ресторан раньше. Он всегда приходит часа в три или в полчетвертого и начинает готовить ужин для персонала. Вернее, не так. Первый раз он появляется рано утром, между шестью и семью, чтобы разложить по холо-

дильникам купленные утром свежие продукты.

– То есть... Получается, что Борнлиф приходит на работу дважды?

– Именно так! – Я глотнула кофе и поморщилась: переложила мускатного ореха. – Рынки работают до десяти-одиннадцати утра, но те, кто хочет купить хорошие рыбу или мясо, появляются там не позднее шести-семи часов. Фред тоже закупает рыбу и мясо, а еще травы и овощи – словом, то, что не хранится долго, – и привозит в «Олений рог». Распикивает по кладовым и уходит домой спать.

– Хм, интересно! А если его нет? Ну, не знаю, в отпуске, например.

– Вообще-то, в отпуск мы все уходим одновременно. В августе, когда ресторан закрыт. Но если, например, Фред болеет, то на закупки отправляется Норберт.

– Ага, ясно. Значит, Борнлиф был в ресторане около семи утра. Надо уточнить время.

Дэн сделал пометку в блокноте, а я подумала, что сказала что-то лишнее. Ладно, будем надеяться, что майор Паттерсон действительно станет расследовать дело, а не искать козла отпущения.

– Не знаю, кто сегодня появился раньше – Фред или Норберт. Я добралась до работы в четыре, и оба уже были на месте и переоделись. То есть у нас есть промежуток между семью утра и тремя часами дня, когда ресторан пустовал.

– Именно, – повторил Дэн. – Но вообще-то мы можем еще

сузить этот промежуток. Камеры наблюдения были выключены с одиннадцати до одиннадцати сорока.

– Все камеры? – Мой вопрос не был праздным: дело в том, что я, по секрету ото всех и даже от Майи, установила на кухне и возле двери в мою комнату две собственные камеры, они же датчики движения с магической составляющей, о чем и сказала Дэну. Приятно было посмотреть на его глаза, принявшие классический размер по восемь пенсов.

– Ты тайком поставила камеры наблюдения? Зачем?

– Потому что трижды обнаруживала, что в пряностях моей кладовой копались. Причем старались привести все в тот же вид, какой был до их, так сказать, визита. И еще нужно учесть, что если кому-то из персонала, пусть даже не повару, а любому официанту или уборщице, понадобились бы пряности, они всегда могли прийти ко мне и сказать. Я бы помогла подобрать, рассказала, как употребить, дала нужное количество. Конечно, если не брать в расчет самую дорогостоящую экзотику, которую Норберт покупает буквально по цене золота, типа шафрана или мускатного цвета. А это значило одно из двух: или копался чужой, или свой, но не желавший афишировать этот интерес.

– И сегодняшние записи с камер ты еще не смотрела? – Дэн вскочил с кресла.

– Дорогой мой, – промурлыкала я, – если ты разобьешь чашку, тебе придется покупать новый сервиз, потому что в продаже их больше нет.

– ЛИЗА!

– Смотрела, смотрела, – махнула я рукой. – Передача с камер идет и записывается на мой коммуникатор. Но только это ничего никому не даст. Смотри сам.

На экране коммуникатора двигался размытый серый силуэт. Нельзя было даже понять, женщина это или не сильно высокий и некрупный мужчина.

– Он вошел в ледник в одиннадцать ноль пять и пробыл там двадцать пять минут, – сказала я. – Не понимаю, что можно и нужно было делать в холодной комнате с небольшим количеством еды столько времени?

– Наверное, когда мы узнаем это, узнаем и все остальное... – задумчиво произнес Дэн.

– Ладно, – встрепенулась я. – А во-вторых?

– Что – во-вторых?

– Ты сказал: «Во-первых, ты была права». Это предполагает, что должно быть как минимум во-вторых. А может, и в-третьих и так далее.

– А-а! Да, действительно. Во-вторых, я хотел сказать, что мы даем разрешение открыть ресторан послезавтра. К сожалению, информация попала в Сеть и в вечерние газеты. Ты еще не читала, какие пируэты накрутили наши акулы пера вокруг этого досадного происшествия?

– Нет, – лениво отозвалась я. – Но могу себе представить. Особенно если учесть, что уже целую неделю никто не слышал никаких амурных новостей из дворца. Кто расстарался

больше всех? «Вестник Люнденвика» или «Вечерний Королевский Глашатай»?

– Пока опережает «Вестник» – им сливает информацию кто-то из госпиталя Святого Панкратия, где лежит ваш повар. Поймаю этого информатора – все ноги повыдергиваю. Но господа журналисты интригуют изо всех сил и щедро сыплют догадками. Поэтому сегодня никто, в том числе ваш господин Норберт Редфилд, не может предсказать, отшатнется ли публика от ресторана, в котором чуть не убили повара, или, наоборот, толпой ринется на место преступления.

– Это все понятно, – отмахнулась я от прогнозов. – У меня другой вопрос: скажи, а зачем все это было проделано? Понятно уже, что Фред просто неудачно прошел мимо кастрюли с неприятностями и вовсе не был целью. Но кто-то же был?

Дэн поставил кофейную чашку на столик и помолчал, причем я бы не стала держать пари, обдумывал он, что именно можно мне сказать или же какую лапшу лучше повесить на уши.

– Я полагаю, – медленно проговорил он, – что целью являлся и продолжает являться господин Редфилд. Но вот кто и почему открыл на него охоту – пока сказать не могу.

– Не можешь или не хочешь?

– Лиза, вот честное слово – не знаю.

– Хорошо, тогда скажи хотя бы, почему такое заурядное дело о попытке убийства расследует не обычный уголовный

инспектор, служащий городской стражи, а майор и глава столичного управления безопасности? Этого ты не можешь не знать!

– Ох, Лиза... – Дэн тяжело вздохнул. – Ты же не отстаешь, пока не вытянешь ответ?

– Боюсь, что ты прав. – Я глядела ему прямо в глаза. – Не отстану!

– Расследование поручено мне, потому что господин Норберт Редфилд внесен в белый список управления безопасности.

Я присвистнула. Белый список! Это что же получается, если учесть, что в верхний, (красный, самый главный список государства) входили члены королевской фамилии и только они, а белый является вторым по значимости...

– Что я о нем не знаю? Он герцог инкогнито? Эльфийский посол? Или глава гильдии тайных убийц?

Дэн лишь многозначительно поднял брови.

11 сентября 2183 года

Норберт позвонил мне на следующий день утром.

Да, все правильно: Фреду не повезло во вторник, десятого сентября, а в среду коммуникатор просигналил в немислимую рань – в одиннадцать утра.

А как еще назвать это время человеку, обычно возвращающемуся с работы в три-четыре часа утра? Естественно, нынче ночью, после ухода Дэна, я еще долго не спала – при-

кидывала, как пойдут теперь дела у ресторана. Конечно, слухи и сплетни – дело временное, но, вылетев один раз из модной обоймы, можно туда уже никогда не вернуться. Ничто не бывает столь преходящим, как мода. И это в полной мере относилось к моде на рестораны. Вот года два назад в Люнденвике с шумом и помпой открылся ресторан степной кухни «Varvarian». Ну и где он был теперь? Кажется, на том месте торговали шляпами. Так что лично мне не хотелось бы, чтобы «Олений рог» закрылся. Вряд ли я найду другую такую комфортную работу.

И кому мог так помешать наш тихий Норберт? Что там говорят обычно великие детективы? «*Is fecit cui prodest*» – «Сделал тот, кому выгодно»? Кстати, интересно, в самом-то деле, а что я вообще знала о Норберте Редфилде? Включен в белый список, ну надо же!

Знала, что его дата рождения – двенадцатое января, это всем было известно, поскольку в этот день ресторан открывался только для своих. Знала, что Норберту сорок четыре года, что он беззаветно любил кулинарию, оперные арии для меццо-сопрано и гравюры с изображениями рек и мостов. Еще он собирал фигурки овец – им было отведено почетное место в его кабинете в ресторане. Знала, что у него был дом в Люнденвике, совсем рядом с «Оленьим рогом», и вроде бы еще загородное поместье, где жила его... сестра? Матушка? Какая-то родственница, в общем. Все, больше ничего не знала. Даже то, была ли у него жена, потому что в последние

четыре года, по моим наблюдениям, он был женат на ресторане.

Все это не имело никакого значения, пока нас всех не впустили в уголовное расследование.

Итак, в одиннадцать утра мой – да-да, тот самый, *личный* — коммуникатор просигналил каким-то хриплым, так и хотелось сказать – преступным голосом. На экране я увидела Норберта, совершенно обыкновенного: в белой рубашке с кружевным жабо и крупным сапфиром в мочке правого уха, серебристые волосы были завязаны в хвост, за спиной виднелись корешки книг и большой экран компьютера.

– Не разбудил? – поинтересовался он.

– А если бы и разбудил? Все равно уже пора вставать... – от души зевнула я. – У тебя что-то срочное?

– Ну, можно сказать и так. Мы завтра возобновляем работу, было бы хорошо, если бы ты приехала сегодня как обычно. – Вроде бы и обычным голосом он говорил, но виднелись на дне глаз не то принуждение, не то неуверенность. – Надо меню обсудить, по закупкам пройтись. Фреда-то еще дней десять не будет.

– Хорошо, приду вовремя, как обычно. – И я с тяжелым вздохом отправилась начинать новый день.

Некое дежавю: как и вчера, в дверях меня встретила Майя. Только глаза у нее уже не горели весельем. Какое уж тут было веселье...

– Какие новости? – поинтересовалась она. И сама же от-

ветила: – Хотя что спрашивать, все мы тут примерно в одном положении.

Конечно, я могла бы похвастаться, что вчера в ночи принимала в своем доме ведущего следователя и вряд ли это нанесло бы непоправимый удар по моей репутации, но ведь обещала помалкивать.

– Ты Норберта уже видела? – спросила я, вешая мокрый плащ. Сентябрь, начинались дожди. Прощай, хорошая погода.

– Нет пока, он в кабинете на телефоне, просил не беспокоить. Придет на кухню сам.

Там было непривычно тихо – плиты погашены, ребята не стучали ножами и противнями, не гудел миксер, не пахло тестом. Я по привычке свернула к своей комнате, но, пройдя несколько шагов по коридору, махнула рукой и вернулась к кондитерскому столу. Майя продолжила вчерашнее высокоинтеллектуальное занятие – выкладывала по столу узоры, только на сей раз из миндаля, а не из фундука. На высоком барном табурете сидел наш метрдотель Джонатан, очень непривычный в джинсах и джемпере вместо ежевечернего смокинга. Выглядел он растерянным не меньше нашего, если даже не больше. Наверное, все-таки больше: вчера-то его не было при всех событиях, для него рабочий вечер начинался с семи, за час до открытия ресторана.

– Я вот думаю, – прервал молчание Джонатан, – какое счастье, что мы не работаем во время ланча! А то консоме до-

сталось бы клиенту.

– Да уж, – кивнула Майя. – Весело получилось бы, что и говорить. А вот интересно, как мы теперь будем работать: по старому меню или новое надо разрабатывать?

– Еще интереснее, придет ли к нам пресловутый новый шеф или мы будем крутиться сами? – поинтересовалась я. – Никто Норберта не пытал?

– Не успели, – ответил Джонатан. – Ладно, давайте пока подсобьем остатки, чтобы знать, чего у нас нет.

Выяснилось, что не было очень многого.

Все-таки вчера по кладовым прокатилась сперва волна экспертов, забравших на обычную и магическую экспертизы все, что могло иметь отношение к бульону, потом там паслись оперативники – в самом деле, не голодать же людям? Я сама делала им бутерброды, так что хлеб, паштеты, ветчину и всякий сыр нужно было закупать или готовить заново. Мясо (в том числе пресловутую оленину) и рыбу накрыли стазисом, но вот беда – вроде бы в стазисе ничто не портилось, однако если хранить в нем свежие продукты более трех суток, они теряли вкус и аромат и, например, нежнейшая бело-розовая нельма превращалась в сухую мочалку. Самое скоропортящееся, вроде ягод кармалии, которые через сутки после снятия с веток превращались в малоаппетитную кашу, мы просто выкинули – они даже в стазисе не хранились.

Как раз к моменту, когда мы добились последний продуктовый список, в кухню спустился Норберт. Был он, вопреки

всем нашим ожиданиям, весел и бодр.

– Ну что, отравители? – радостно спросил он, потирая ладони. – Как дальше жить будем?

– Полагаю, что безо всякого удовольствия, – мрачно ответила Майя. – Черта с два к нам теперь кто придет, можем переквалифицироваться в торговцев электролампами. Слово «отравители» не только ты произносишь, я уже газеты почитала, да и Сеть отрывается вовсю, обсуждая слухи и сплетни.

– Ошибаешься, милая! К счастью, благожелательных публикаций на сегодня куда больше, чем злобных. А главное – все они будят в публике любопытство! Итак, информирую вас, мои дорогие, что на ближайшие три недели у нас распланы все места, вплоть до столика под лестницей. Закупки и составление меню тащил на себе Фред. Теперь, пока его нет, придется делать это нам вчетвером.

– А готовить тогда кто будет? – ужаснулась я.

– Разделимся. Мясо готовит Хаким, рыба на Судзуки, десерты, понятно, на Майе. Салаты и супы возьми ты, Лиза, горячие закуски – я сам. Помощники, как и были, остаются общими.

– Погоди, а эльфийская кухня как? Оставляем тот же набор, который делал Фред? Или вообще пока побоку? – спросила я.

Тут надо пояснить.

Хотя «Олений рог» считался рестораном преимуществен-

но для человеческой расы, здесь нередко можно было увидеть эльфа или дроу. Гномы, понятное дело, ходили только в свои трактиры, да и готовить их пищу мало кто из людей умел. Для меня, например, она была практически непереносима – столько пряностей добавляли гномские повара к любому продукту. То же самое относилось и к оркам. А если еще учесть их, орочи, специфические вкусовые пристрастия – мясо исключительно с кровью или чай с мукой, солью и жиром – не всякий хомо готов был заглянуть в орочий кабак. Так что степные блюда мы тоже в меню не ставили. Говорят, пару раз видели в «Оленьем роге» за столиком и дракона. Впрочем, я думаю, это так, для интереса рассказывали, потому что отличить дракона в человеческом облике от обычного хомо мог лишь маг, да и то не всякий. А вот эльфийские блюда мы готовили. Вообще, обычную человеческую пищу эльфы не очень любили, хотя и могли есть без вреда для организма. Им только шоколад категорически не подходил – вызывал страшнейшую аллергическую реакцию с отеком дыхательных путей. Кстати, вот что странно: полукровки, у кого один родитель эльф, а второй – человек, шоколад ели спокойно и не начинали немедленно задыхаться. Так вот, для эльфов наша пища была столь же «перепрыгана», если можно так выразиться, сколь для меня – гномская. Там, где Фред добавлял к оленине 2–3 ягоды можжевельника на порцию, эльфийский повар употребил бы одну, а то и вовсе заменил бы можжевельниковые ягоды эльфийской припра-

вой мелдор, являющейся смесью двадцати семи трав. Люнденвикские рестораны высокого класса обычно включали в меню три-четыре специфических эльфийских блюда, которые, надо признать, не часто бывали востребованы – слишком пресные для людей. Дроу, наоборот, предпочитали пищу более острую и пряную, чем человеческая, но и собственных заведений не открывали. Это, впрочем, неудивительно: невыносимо было бы для истинного дроу тратить свои лучшие годы, готовя еду для кого-то, каждый день одну и ту же, да еще и сидя на одном и том же месте в человеческом городе.

– Сколько эльфийских блюд мы обычно ставим в меню? – спросил Норберт у Джонатана.

– По сезону от трех до шести. Больше всего летом и осенью, зимой эльфы в Люнденвик особо не ездят. Если только из посольских кто забредет, – отрапортовал тот.

– Ну, «Зеленые аллеи», как всегда, на тебе, Майя. – Она кивнула. – Лиза, а ты возьми на себя остальное эльфийское меню, пожалуйста. Я тебе дам рецептурный сборник, освежишь в памяти. И подумай, будем ли мы вообще с этим связываться без Фреда. Может, просто для эльфов добавлять меньше пряностей в стандартные блюда?

Обычно меню «Оленьего рога» обновлялось полностью с началом сезона, то есть в конце марта, в конце мая, в начале сентября и в конце января, но небольшие изменения в него Фред вносил еженедельно. Он же расписывал закупки,

сам выбирал на рынке свежие продукты, контролировал рецептуру и разбирался с неудачами. А в последние два месяца еще и руководил готовкой, с тех пор, как Дэвид Бочковски, наш предыдущий шеф-повар, перебрался на королевскую кухню.

И когда Фред все это успевал? Мы вчетвером еле могли управиться с рецептурой и закупками!

Совместными усилиями нам удалось разобраться с остатками продуктов и потребностями кухни, в результате открываться решили с субботы. Новое меню стало выглядеть гармонично и убедительно, списки по категориям продуктов мы написали и передали ответственным за это людям, а я забралась в кресло с увесистой книгой «Ma nin antatyë I yulma mîgurogë», что с эльфийского переводилось приблизительно как «Прошу, передай мне кубок пенного меда». Это было всего-навсего краткое пособие по эльфийской кулинарии. Краткое до невероятности, всего каких-то восемьсот страниц. Тащить домой такую тяжесть мне не очень-то хотелось, да и Норберт сильно напрягся по этому поводу: книга была редкая, подарок прошлого эльфийского посланника при королевском дворе в Люнденвике. Поэтому, пролистав том и выбрав несколько вариантов, я запустила в него заклинание-копировщик. Не задумавшись, не удивившись. Просто произнесла мысленно нужные слова, сделала жест рукой... и остолбенела.

Святая Эрменджильда, у меня все получилось!

Этого просто не могло быть: еще пять лет назад, когда я едва выжила после белой лихорадки, сожравшей половину моей семьи, мои магические способности были полностью заблокированы. Белая лихорадка распространялась только среди людей со способностями не ниже третьего уровня, при этом не трогала некромантов, магов крови и почти не задевала магов земли. Зато водяников и магов жизни убивала едва ли не наверняка. Никто не знал, почему я выжила. Скорее всего, сработала эльфийская четверть моей крови, о которой бабушка предпочитала молчать, сжав зубы. В самом деле, ее можно было понять: какая женщина будет довольна, когда бывший муж через сорок лет после развода все еще выглядит на двадцать пять, не старше? А сколько моему деду действительно, знали, наверное, только эльфийские летописцы. Я выжила, но лихорадка унесла сестру, брата и тетушку Лидию (о чем никто сильно не горевал), а еще забрала мои магические способности.

Но вдруг из каких-то глубин памяти выплыли слово и жест. И они сработали! Я раскрыла рот, чтобы завопить от радости... и сжала зубы. Нет уж, я помолчу. Слишком странные события происходили вокруг, чтобы открывать всем окружающим козыри без необходимости. Сперва мне хотелось бы прояснить ситуацию. Впереди было еще два дня до открытия ресторана, и я собиралась посвятить их не только посещению эльфийских магазинов столицы и покупке специфических продуктов, но и самому разнузданному сова-

нию носа в чужие дела.

– Норберт, не занят? Можно?

– Что спрашивать, ты уже вошла, – буркнул хозяин кабинета.

– Уже даже сижу, спасибо большое! Я с вопросами, ото-рвись от экрана. – Я точно знала, что Норберт не работал, а играл в модную компьютерную игру «Злобные мухи», пора-зившую население Люнденвика, подобно какой-нибудь эпи-демии. Ну, по крайней мере, ту его часть, которая умела об-ращаться с компьютерами.

Вообще Люнденвик, да и все королевство Бритвальд были четко разделены не только географически (то есть Верхний и Нижний города, соединенные фуникулером), но социально и, как следствие социального разделения – психологически.

В Верхнем городе не чурались современных благ цивили-зации, достижений магии и науки и всячески старались их продвигать. Конечно, немало значила позиция его величе-ства Кристиана II, а он щедро субсидировал обе Академии – магическую и естественных наук, – назначил солидные еже-годные премии своего имени за открытия в двенадцати важ-нейших областях науки, включил в Совет не только королев-ского мага, но и ректоров обеих академий. Кроме того, имен-но дворец первым получал все новейшие разработки как от магов, так и от естественников. Нужно ли было говорить, что соперничество двух этих ветвей достигало порой необычай-ных высот? Пусть соперничают и выдирают друг другу се-

дые бороды в попытке доказать, какое из направлений науки важнее для королевства! Зато у нас были магические замки, светильники, компьютеры и фуникулер, магическая медицина и химические лекарственные средства, разработанные биомагией новые сорта растений, стазисные хранилища и коммуникаторы, экипажи с магическим двигателем и поезда на электричестве. Выбирался более выгодный путь, и скрещения технологий и магических практик иной раз получались самые причудливые.

Нижний город новинки принимал... не то чтобы со скрипом, но очень неохотно. Конечно, никто там не возражал против магических замков, но вот для освещения предпочитали использовать старомодные электролампы. Компьютеры же им и вовсе казались бессмысленными предметами, баловством.

С другой стороны, это и правда баловство. Кому ни глянь через плечо, а на большом экране всеми цветами переливаются «Злобные мухи». Нет чтоб древних философов читать...

– Значит, смотри, – продолжила я, дождавшись, когда Норберт с недовольным видом разгонит мушиную стаю. – У нас для меню намечены три эльфийских блюда, как мы записали. Я изучу рецептуру и попробую упрямить Дэвида, чтобы он меня потренировал на них. Вот прямо сейчас и пойду.

– Давай, это разумно, – кивнул Норберт.

– Давай пропуск! – Ясное дело, в королевский дворец не

пускали кого попало. И я точно знала, что у Норберта постоянный пропуск был.

Он возвел очи горе, но открыл сейф и пропуск выдал.

12 сентября 2183 года

Королевский дворец был возведен предком нынешнего короля лет восемьсот назад, в таком классически дворцовом стиле «на все века»: стены с зубцами и башнями, стрельчатые окна, изгиб лестницы, которую охраняют мраморные львы. За восемь столетий его не раз достраивали, но общий облик дворца, если сравнивать с гравюрами и рисунками тех времен, изменился не сильно. Нынешний король Кристиан II внешний облик дворца тоже оставил неизменным, но внутри за двенадцать лет его правления поменялось многое, и прежде всего – порядки.

Предыдущий правитель, Адальберт V, дед Кристиана II, правил очень долго для слабого мага-воздушника – больше восьмидесяти лет. Его старший сын погиб вместе с женой, когда юному принцу Кристиану было лет шестнадцать, и загадочные обстоятельства этой гибели по сию пору запрещено было обсуждать и описывать, а лучше бы и не вспоминать. Я знала, что тогда ходили слухи, будто наследника с женой старался погубить младший сын Адальберта, принц Георг, но точно в том же году он пропал в море вместе с флагманом королевского флота линкором «Герцог Брекон-Биконс». Таким образом, после смерти старого короля власть доста-

лась его внуку Кристиану, молодому (к моменту коронации ему исполнилось всего двадцать девять лет), прогрессивно-му и весьма энергичному. Ах да, что немаловажно – довольно сильному магу. За двенадцать лет правления он полностью обновил Государственный совет и половину Кабинета министров, издал ряд новых законов – чего стоил хотя бы закон о полном запрещении рабства и пожизненной ссылке на рудники за работорговлю! Еще Кристиан существенно разбавил охрану из орочьих наемников, традиционно охранявших лично короля, магами и воинами дреу, разрешил свободное издание газет и журналов и подписал приказ о свободном въезде в страну и выезде из нее для всех желающих, не обремененных долгами или иными обязательствами. Либерализм его простирался так далеко, что несколько лет назад во дворце стали издавать собственную газету – еженедельник с цветными фотоотчетами с балов и охот, объявлениями о сеансах написания портретов фрейлин очередным опекаемым живописцем и краткой информацией о свадьбах, рождениях и даже, о ужас, разводах.

Словом, вполне приличный оказался правитель. Не без закидонов, разумеется, но все в рамках нормы. «Какие закиды?» – могут спросить любопытные. Да минимальные.

Например, он всегда одевался только в ахроматической гамме – черное и белое, ничего лишнего. Иногда это создавало трудности... церемониального характера. Например, древняя церемониальная королевская мантия, как положе-

но, принадлежавшая пра-пра-прадеду Кристиана, зачарованная лучшими магами на неснашиваемость, была сделана из красного бархата. Но ничего, прекрасно вышли из положения: красную мантию объявили национальной реликвией и отправили в сокровищницу, а для короля-эстета пошили аж две новые – черную повседневную, отделанную серебряной лисой, и белую парадную, с горностаями. Откуда мне это было известно? Вообще-то в монастыре нас не только вышивать учили. Курс этикета и манер давался в объеме пятнадцати часов в неделю! Почти столько же, сколько отводилось на химию и биологию вместе взятые. Еще до коронации Кристиан II женился на Клотильде, младшей дочери тогдашнего короля соседней (через пролив) Галлии, исключительно красивой зеленоглазой брюнетке, с удовольствием не только занимающейся благотворительностью и балами, но и опекавшей театры, музеи, картинные галереи, музыкантов и поэтов. Детей в королевской семье было уже четверо, и, по слухам, намечался пятый.

Так вот, дворец был древний и, как следствие, не особо удобный для жизни. Ворот на его территорию было, понятное дело, несколько. Во-первых, Парадные ворота, которые открывались три раза в год в национальные праздники исключительно для парадного выезда короля. В той самой белой мантии. Во-вторых, Южные ворота, которыми пользовались придворные, члены Королевского совета и прочие служащие высокого ранга, а также гости дворца. В-третьих,

Охотничьи – они тоже открывались редко, как и Парадные. Как следовало из названия, именно через них отправлялась на луга и в леса королевская охота. В-четвертых, Соляные или Северные ворота, самые широкие и самые, наверное, используемые. Сюда шли слуги, доставлялись припасы, здесь проходили все те, кому не по рангу было пользоваться Южными воротами. Шли сюда и ленивые, кому было неохота обходить пару миль вокруг стен. Я причисляла себя к ним. И наконец, пятые – ворота Последней надежды, устроенные еще восемьсот лет назад над рекой и ведущие в королевскую тюрьму Рэйвенайз. Монарх у нас просвященный, поэтому в этой страшной (по слухам) подземной тюрьме камеры давно пустовали. Однако ворота держали рабочими – кто мог знать, как жизнь повернется? Вон, всего лет двадцать назад, в конце правления его величества Адельстана, Рэйвенайз заполнили участники мятежа, пытавшиеся посадить на трон троюродного брата короля, герцога Камбрийского.

Думаю, понятно, что историю в монастырской школе вдавливали в наши головы тоже добросовестно.

Итак, идти до Южных ворот мне было лень, поэтому я предъявила пропуск двум стражникам в кирасах, стоявшим у Соляных ворот, прошла через процедуру сличения ауры и оказалась на территории дворца. Путь лежал на дворцовую кухню к Дэвиду Бочковски. Мы с ним заранее договорились, что я приду в спокойное время, часов в двенадцать, когда желающим поесть из числа придворных подается лишь легкий

ланч, с приготовлением которого вполне могут справиться младшие повара. Дэвид был поистине великолепен в белом колпаке с вышитой золотом короной и куртке с рубиновыми пуговицами в два ряда. С него можно было бы писать портрет Великого Шефа для выпускных экзаменов в кулинарном училище! Конечно, он раскритиковал выбор блюд для эльфийского меню и даже расщедрился на объяснения: готовить сложно, ингредиенты дорогие и редкие, вкус для нетренированного человека мало отличается от стандартных блюд для хомо.

– И вообще, – он посмотрел на потолок в приступе вдохновения, – плюньте вы на это пока что.

– В каком смысле «плюньте»? – не поняла я.

– В смысле на эльфийские блюда. Пока Фреда нет, чуть-чуть сократите меню. Ничего страшного не будет. Оставьте только «Зеленые аллеи» из эльфийских десертов, там подача красивая и нестандартная.

Ну конечно, еще какая нестандартная! Десерт этот, мороженое с горячей серединкой, подается традиционно на льду (а в современных технологически оборудованных заведениях – на сухом льду, создающем такое облако), а в ушах пирующего тем временем звучит знаменитая мелодия «Зеленые рукава». Мы еще немного поболтали об «Оленьем роге» и общих знакомых, и я оставила Дэвида воспитывать младших поваров. Подозреваю, что процесс воспитания обеспечивался в равной пропорции приложением большой пова-

решки и чисткой овощей.

Попрощавшись с Дэвидом, я в задумчивости побрела по коридору. «Стоит ли терять время, – думала я. – Раз уж попала во дворец, надо воспользоваться случаем. Поищу-ка библиотеку, был у меня там когда-то знакомый – господин Гловер. Чудный, очень немолодой хранитель, приятель дядюшки Ф. Помню, господин Гловер бывал у нас в гостях еще тогда, когда вся семья жила в Вицнау. А потом... потом неплохо было бы зацепиться языком с какой-нибудь из младших фрейлин для получения частной информации и сплетен. Потому что, как известно, нет лучшего источника сплетен, чем эти блондинки в розовом и шатенки в голубом».

Хранитель королевской библиотеки господин Гловер был на месте. Все такой же, как и десять лет назад, когда я видела его в прошлый раз: совершенно седой, худой и высокий, с рассеянной улыбкой, в длинной синей мантии и золотых очках. И он, вот приятно, не просто меня узнал. Он мне обрадовался. Выспросив последние новости о родителях, родственниках (никогда бы не подумала, что у меня их ТАКОЕ количество!) и общих знакомых, он выдал мне Бархатную книгу, подшивки дворцовых газет за последние шесть лет вместе с кучей пыли и список фрейлин, в котором я с радостью нашла знакомое имя. Гвендолен Файролл, ну разумеется! Семь лет за соседними партами в монастырской школе! Оказывается, она не вышла замуж, подобно большинству

наших соучениц, а перебралась в столицу Бритвальда и заняла место рядом с ее величеством королевой Клотильдой. Более того, именно мисс Файролл занималась приглашениями на балы и, следовательно, просто обязана была знать обо всех трениях, любовных интригах и различных неприятностях, которые хотя бы гипотетически могли бы испортить атмосферу королевского бала.

Желтая гостиная, где, как мне сказали, я могу найти мисс Файролл, была небольшой и очень светлой. Высокие окна со светло-желтыми легкими шторами выходили в парк, и остатки осенней листвы не заслоняли полуденного солнца. Гвен – или я теперь должна называть ее исключительно «мисс Файролл»? – сидела в кресле, держа в левой руке несколько листов бумаги, а правой в задумчивости дергая мочку уха.

– Мисс Файролл? – окликнула я негромко.

Она повернулась, мгновение вглядываясь в меня и не узнавая, и вдруг, взвизгнув, вскочила.

– Лиза! Господи, откуда ты здесь взялась? Покажись, дай я на тебя посмотрю! Ну надо же, я сто лет тебя не видела и вот только что, буквально только что тебя вспоминала!

После пары минут несвязных восклицаний и объятий она усадила меня в кресло и сказала твердо:

– Ну, рассказывай.

Пожалуй, Гвен мало изменилась за последние годы.

Вот странное дело: когда я смотрю в зеркало, то нахожу очень мало общего между невысокой, сероглазой, русово-

лосой и неприметной девушкой, отражающейся в стекле, и портретами пятилетней хохотушки или двадцатилетней смеющейся студентки с группового портрета выпускниц школы при монастыре Святой Бригитты. Ну правда, совсем другой человек! А вот все люди из прошлой жизни, которых я встретила за последние два или три дня, были словно только что оттуда, из того времени. Та же Гвендолен в двадцать лет была пухленькой смешливой блондинкой, обожавшей сливочное мороженое, котят и знаменитого менестреля Энвара Серебряного. В двадцать пять, возможно, котята сменились тиграми из королевского зверинца, а Энвар Серебряный – Тианумиэлем Полночным, но моя школьная подруга по-прежнему была невысокой веселой блондинкой с лукавым взглядом, легкой походкой и приятным голосом.

Да и манипулятором Гвен осталась все таким же классным, что, полагаю, очень помогало с карьерой при ее величестве.

День прошел плодотворно. И главное, из кучи сплетен, оброненных замечаний и напечатанных объявлений я вынесла кое-что полезное. А именно – кто такой господин Ландорсэль, кто его продвигает (прямо таки пропихивает!) и почему ему так хотелось покомандовать именно на кухне «Оленьего рога».

Господин Ландорсэль был женат на старшей дочери мажордома двора, Макферсона. Дочь получилась не вполне удачная: ростом с сидящую собаку, почти как гномка, с плос-

ким, будто блин, лицом и жидкими блеклыми волосами. Она не была умна или особо глупа, не проявляла талантов ни в одной области. Словом, мисс Гленда Макферсон легко описывалась словом «не». Когда Гленде исполнилось двадцать два года, ее родители приуныли. Выдать дочь замуж стало с каждым годом все более проблематично. Но неожиданно на Гленду упало благословение богов в виде солидного наследства от двоюродной бабушки, все сто двадцать лет прожившей в далеком Парсе и видевшей внучку разве что новорожденной, когда та была еще розовым кружевным кульком. А через пару месяцев на горизонте возник и господин Ландорсэль с предложением руки и сердца. Макферсон был фактически правителем всей парадной части дворца и, как человек очень умный, не стал сразу брать новоиспеченного зятя на главную королевскую кухню. Ему дали поработать год в одном из загородных поместий его величества, после чего решили осчастливить его стряпней какой-нибудь из столичных ресторанов.

Наш же «Олений рог» попал в список под первым номером уже из-за особенностей биографии владельца: оказалось, Норберт был-таки женат, хотя и недолго – года три, и его бывшая теща состояла в ближайшем окружении мистрис Макферсон.

Ладно, поживем – увидим. Будем надеяться, что в списке Макферсона был не только наш ресторан и чаша сия нас минует.

Попутно выяснилось, каким образом Норберт оказался занесенным в белый список: оказывается, его магическим Даром была способность к языкам. Всем было известно, что иногда тем, кто не был одарен от рождения магическими способностями, доставался от судьбы и богов Дар. Это могло быть что-то неожиданное и не очень-то нужное. Ну, например, у одной моей соученицы в монастырской школе был дар по вкусу блюда определять его ингредиенты. Рассказывали мне о женщине, которая могла абсолютно точно воспроизводить пение любой птицы, и о молодом человеке, который мог объясняться с любой кошкой. Причем только с кошками, на собак или львов его дар не распространялся. А Норберт Редфилд имел способности к языкам. Чем сложнее и древнее был язык, тем легче он начинал на нем говорить и читать. Не то чтобы это было очень уж необходимо, но для королевства был важен человек, который может объясниться, например, с дварфами. Эта раса, родственная гномам, в отличие от них категорически отказывалась от любых контактов с иными. Вообще любых, даже от войн. Поскольку жили дварфы в глубине пещер на одном-единственном острове в Северном море, никто особо не горевал от отсутствия контактов. Но мало ли что государству может понадобиться в будущем? И человек, способный понять мрачных коротышек, живущих посреди холодного моря, считался для королевства Бритвальд особой ценностью.

24 сентября 2183 года

Неделю мы спокойно проработали, по мере сил замещая Фреда. Его уже отпустили из госпиталя, но пока рекомендовали отлеживаться дома и пить травяные отвары. Понедельник двадцать третьего сентября был в ресторане выходным. Норберт заикнулся о внеплановом рабочем дне, а то запись на столики пошла уже на вторую половину октября, но мы в едином порыве эту инициативу отвергли. Все-таки каждому добавился солидный кусок обязанностей к обычной работе. Отдых всем был необходим.

А вот вторник начался с новых непоняток.

– Лиза, ты не знаешь, у нас мистрис Робертс не в отпуске? – спросил Норберт.

– Не знаю, мне она заявление не подавала. – Да, в нашем небольшом коллективе я занималась еще и кадровыми вопросами. – А что?

– Судя по всему, она вчера не убиралась у меня в кабинете... Ну, ты же знаешь, она всегда все фигурки переставляет по-своему. А на кухне чисто?

Фигурки – это та самая коллекция овец, которую Норберт собирал уже года три. Овечье стадо пополнялось новобранцами из всех стран мира, разрослось до семидесяти с лишним штук, занимало отдельный шкаф в кабинете и являлось предметом особой гордости Норберта. Деревянные, каменные, плюшевые, набитые вишневыми косточками, стеклянные и керамические, всех цветов и размеров, овцы составля-

ли композиции, понятные только самому пастуху. Несколько самых любимых стояло на письменном столе Норберта, справа от монитора, и каждый рабочий день он начинал с того, что, шипя и плюясь, расставлял в правильном порядке овечек, которых наша уборщица мистрис Робертс переставляла по-своему. Не думаю, что она вкладывала какой-то особый смысл в перестановку фигурок, скорее всего, они просто мешали ей вытирать пыль.

На кухне мистрис Робертс должна была помыть полы, собрать грязные полотенца и повесить новые, стереть пыль с полок и прочих горизонтальных поверхностей, кроме рабочих столов, которые мыли сами повара и к которым никого не допускали.

Судя по влажным запачканным полотенцам, там она тоже не появлялась.

– Может, заболела? – неуверенно предположила Майя.

– Ты думаешь? Вообще-то, я за четыре года ни разу не видела, чтобы она болела. Только в августе на три недели уезжает в отпуск, но я даже не знаю куда. И все, остальное время она работает. Вроде бы.

– Лично я ее вижу раз в месяц, когда выдаю зарплату, – добавил Норберт.

Действительно, он был среди нас самой ранней пташкой и приходил в ресторан аж к трем часам дня. Уборщица же имела собственный ключ, и около часа она, убравшись и закрыв ресторан, уходила по своим неведомым делам. Я име-

ла возможность в этом убедиться, когда как-то раз мне пришлось зайти на работу с утра за забытым накануне кошельком.

– Она живет в Нижнем городе, так ведь? – спросила я.

– Да, на Ясеновой, в частном доме.

– Я сегодня все равно туда собираюсь. В чинскую лавку, сычуаньский перец кончился. Могу зайти и спросить, что случилось. Это в квартале от Ясеновой.

– Ну и отлично, – хлопнул ладонью по столу Норберт. – Выдай пряности по меню на сегодня и иди прямо сейчас.

Фуникулер доставил меня в Нижний город за считанные минуты. До лавки господина Сяна было от нижней станции минут десять неспешным шагом. Насколько мне было известно от него самого, господин Сян перебрался в Люнденвик из великого Бэйцзина много лет назад. И хотя прижился он здесь не хуже любого другого иммигранта, уклад сохранил традиционно чинский. Впрочем, все его соотечественники – а они населяли целый квартал в Люнденвике – носили шелковые халаты и длинные косицы, при разговоре часто кланялись собеседнику, предпочитали зеленый жасминовый чай самым прославленным сортам из высокогорной Бенгалии и были безукоризненно честными в делах, чем бы ни занимались. Чаще всего чинцы держали прачечные (и стирали отменно), ресторанчики с национальной кухней, особо любимые дроу, или, вот как господин Сян, – лавочки с самыми разнообразными товарами, от тканей и посуды до пряно-

стей и чая. Я сама видела, как один из постоянных покупателей господина Сяна, имевший привилегию рыться в свежепривезенных сундуках, с криком восторга откопал длинный ящичек темного дерева, где на светлом бархате светилась в утренних солнечных лучах необыкновенной красоты ваза перегородчатой эмали. Меня же в лавке господина Сяна интересовали в первую очередь пряности: сычуаньский перец, галангал, листья лимонного каффира и зеленый кардамон. Но я не собиралась отказывать себе и в удовольствии покопаться в очередном сундуке с шелковыми тканями, вазами и загадочными плетеными коробками. Мало ли что найдется полезного. Или бесполезного, но совершенно необходимого!

Так что к дому мистрис Робертс по Ясеновой улице я подходила уже после шести вечера, когда почти совсем стемнело. Он был небольшим, одноэтажным, его окружал невысокий заборчик, за которым темнели кроны нескольких деревьев. Яблонь, судя по всему. Ну да, вон и яблочко в кроне осталось несорванное. Окна в доме светились – значит, хозяйка должна быть внутри. Звонка не было, и я постучала дверным молотком. Мне открыл крупный молодой человек. Очень крупный. То есть, честно говоря, с трудом помещавшийся в проеме. Пожалуй, я бы занервничала, если бы встретила такого темной ночью в припортовом квартале...

– Здравствуйте! А можно увидеть мистрис Робертс? – вежливо поинтересовалась я.

– Нет.

Вот просто так – нет, и все. Да уж, его нельзя было назвать болтливым.

– А-а-а... а может быть, мне прийти попозже? Ее нет дома? – Я все еще надеялась на доброжелательность собеседника.

Но не тут-то было. Он повторил свое «нет» и попытался закрыть дверь. В это время из дома раздался другой голос, женский и вроде бы женщины в годах.

– Марик, кто там?

– Ошиблись домом! – ответил нелюбезный Марик и попытался вытеснить меня с крыльца.

– Ничего я не ошиблась! – закричала я и вцепилась в перила. Да что же это такое? Я ему что, куль с овсом?! – Мне нужна мистрис Робертс, я с ее работы!

– С работы? – Детина отлетел в сторону, как пушинка. Хорошо, что мою руку перед этим выпустил, а то бы оторвал! – С какой работы? От леди Линнерс или из трактира этого?

Передо мной появилась совершенно потрясающая женщина. Ростом она была не меньше того самого Марика, а значит, головы на две выше меня. У нее оказались широченные плечи и бедра, ручищи, теряющаяся где-то под притолокой громадная голова с рыже-седым пучком волос и неожиданно приветливым лицом. Глаза, зеленые, как молодая трава, были грустными и покраснели, будто женщина плакала.

– Ну... вообще-то из трактира. Из ресторана «Олений рог» то есть. Просто мистрис Робертс не пришла сегодня

убираться, и мы подумали... – последние слова я почти прошептала.

– Проходите, пожалуйста. – Женщина отступила от двери, Марик топтался за ее спиной, незаметный, как трехдверный платяной шкаф.

Я вошла не без опасений. Ситуация становилась совершенно непонятной. Где мистрис Робертс и кто эти люди? Женщина показала на левую дверь – гостиная, по-видимому, – и предложила мне присесть в мягкое низкое кресло. Я покосилась на нее (надеюсь, что незаметно) и, выдавив улыбку, села на краешек жесткого стула.

– Меня зовут Лиза фон Бекк, я работаю в ресторане «Олений рог». Я бы хотела поговорить с мистрис Робертс, – повторила я, представляясь.

– Талина. Талина Макдугал, сестра ее. – Женщина опустила глаза. – А Марьяны нету. Вчера умерла в больнице.

– Ох... Примите мои соболезнования. А что с ней случилось?..

– Никто не знает. – Талина тяжело вздохнула. – Соседка прибежала ко мне, я-то тут через две улицы живу, и говорит, мол, у Марьяны свет горит, а полдень давно уже. Дверь не открывает никто, она стучала. Собак-то мы здесь не держим, шумно очень... Ну вот, у меня ключ был, мы открыли – она в постели лежит, лицо бледное, аж в зелень. Почти и не дышит. Ясное дело, Марик за лекарем побежал, тот карету медицинскую вызвал, только все равно она в больнице умерла

через пару часов, так в себя и не пришла.

– Ясно... Госпожа Макдугал, тогда я не буду отнимать ваше время. Вы, когда будет удобно, зайдите, пожалуйста, в «Олений рог». Ваша сестра за последний месяц деньги не получила. Только не приходите раньше четырех часов. Адрес знаете?

Мистрис Макдугал кивнула.

– И о похоронах нас известите, пожалуйста. Наш директор, господин Редфилд, наверное, захочет прислать цветы.

– Да, спасибо, так и сделаю. – Она снова кивнула.

В дверях я остановилась и спросила:

– А как найти доктора, который ее лечил?

– Не доктор он, просто лекарь, господин Йонссон. Он здесь же на Ясеновой и живет. Через четыре дома в сторону улицы Маковников, с синей крышей дом и наличники резные.

Некая смутная догадка заставила меня пройти до участка лекаря. Я надеялась, что в такое время, позднее для Нижнего города, он будет у себя. Но господин Йонссон отсутствовал, и я передала записку с моими координатами в руки служанки, странноватой белесой девицы, страшно косившей.

Во вторник последний клиент ушел из ресторана уже так поздно, что можно было считать это ранним утром среды.

– Норберт, давай начинать в семь, а не в восемь, а? Иначе мы перейдем на полностью ночной образ жизни, – предло-

жил Джонатан. – У меня жена уже забыла, как я выгляжу.

Понятное дело – ему, бедняге, приходилось тяжелее всех. Мало того, что он все время был на публике и должен был держать лицо, так ведь и уходил последним. Я-то вообще могла оставить свой пост около полуночи, благо пряности все были расписаны, а салаты и супы я готовила заранее. Но вообще наш метрдотель был прав – мы так человеческий облик потеряем, отрастим вместо рук ножи и поварешки...

– Так ведь они будут раньше приходиться, но все равно до-сиживать до рассвета! – хмыкнул Норберт, который тоже сидел до последнего клиента и даже при Фреде нередко брался за кастрюльку, а то и с подносом бегал. Сейчас на него, как и на всех нас, легла немалая дополнительная нагрузка.

– Тоже верно... – Джонатан потер глаза руками и пошел к двери.

Норберт позвенел ключами:

– Лиза, ты домой? – Я утвердительно кивнула. А куда еще я могла пойти в три часа ночи? – Тогда вот, держи кошель, и давай я тебя провожу. Завтра с утра во дворец поеду – вызвали. А нужно будет в банк выручку сдать. Сделаешь?

– Сделаю, конечно. – Я от души зевнула. – Пошли тогда уже, а то я тут и усну.

25 сентября 2183 года

Меня разбудил стук в дверь. В десять утра. Ненавижу! Открыв один глаз – второй открываться никак не хотел, – я

смотрела на совершенно незнакомого человека с длинными седыми волосами, завязанными в хвост. Потертая кожаная куртка, высокие сапоги, большая сумка на плече: я бы решила, что это охотник или путешественник, но пахло от него травами и лекарствами. И еще самую чуточку – болезнью.

– Госпожа фон Бекк? Здравствуйте. Мне передали вашу записку. Я лекарь. Ну, лекарь из Нижнего города, с Ясеновой улицы...

– Господин Йонссон? Да-да, проходите, пожалуйста. Прошу извинить меня за внешний вид, я работаю допоздна и еще не совсем проснулась. – Я провела лекаря в гостиную. – Присаживайтесь и простите, я на минуту.

Минута растянулась на все десять, но, вернувшись в гостиную, я, по крайней мере, натянула штаны и рубашку, была умыта и смотрела на мир обоими глазами.

– Чай, кофе?

– Нет, благодарю вас. Госпожа фон Бекк, так чем могу быть вам полезен?

– Спасибо, что так быстро откликнулись, господин Йонссон. Скажите, пожалуйста, ведь это вы лечили мистрис Робертс? Я работаю в ресторане «Олений рог», и она была у нас уборщицей. Мы волновались, что с ней что-то случилось.

– Мистрис Робертс... Ну, собственно, лечить-то я ее не мог, там было сильнейшее отравление. Просто сильнейшее. Я, разумеется, сразу вызвал карету из ближайшего госпиталя

и постарался промыть желудок, насколько это было возможно. Мистрис Робертс была без сознания, так что в одиночестве я немногим мог ей помочь. А мистрис Макдугал плохо сделалось. Ее сынок на кухне отпаивал.

– Поняла, спасибо вам. А в какой госпиталь ее отвезли?

– Ближайший у нас – Святого Фомы, туда и отвезли.

– А чем она отравилась, неизвестно? – задала я последний вопрос.

– В госпитале исследуют, позже скажут точно. Но я так думаю, что грибами. Ей накануне их привезли. Она жене моей говорила. А с грибами бывает всякое, знаете ли...

Я заплатила лекарю за визит и отправилась на кухню за вдохновением. Пожалуй, чтобы проснуться, выпьюпряного кофе по рецепту графини Эверсан-Валтер – с розмарином и базиликом. За чашкой кофе и рогаликом с медом я составляла план на сегодня.

Во-первых, отнести выручку в банк. Ну, это несложно. Гномий Драхтаугалергн-банк, где Норберт держал счет «Оленьего рога», находился по соседству с моим домом, на меня и доверенность давно оформили.

Во-вторых, пожалуй, госпиталь Святого Фомы – есть у меня там один знакомый, который поможет разведать, что же случилось с мистрис Робертс.

В-третьих, наверное, нужно позвонить Дэну и рассказать, что мне удалось узнать. Если бы он был только майором Паттерсоном, главой столичного управления безопасности, ему

все эти истории были бы не очень интересны. Какое дело такой большой шишке до смерти какой-то уборщицы из Нижнего города? Но он был еще и Дэном Паттерсоном, моим другом детства. И знал, что почуять неладное я могу издали, и не хуже, чем отличить запах тимьяна от розмарина. А сейчас мой нюх чувствовал, что история со смертью мистрис Робертс не просто связана с отравленным бульоном: все это будет иметь продолжение. Знать бы только, какое?

Ну, план составила, а дальше видно будет.

Для начала я достала из сейфа и закопала поглубже в сумку мешочек с наличными и конверт с чеками. Тяжесть была небольшая: большинство посетителей расплачивались чеками или магическими платежными картами. Лишь немногие по старинке носили с собой кошель с золотыми дукатами и серебряными гроссами. Возле входа в Драхтаугалергн-банк стояли два охранника-гнома с громадными секирами. Если бы я когда-то не видела, как эти невысокие крепыши управляются с секирами чуть ли не с них ростом, в жизни бы не подумала, что от таких охранников будет толк. Вопреки расхожим представлениям секиры они передо мной не скрещивали, а, чуть наклонив головы, дали пройти в дверь – огромную, в два моих роста, и толстенную. Я думаю, если бы не зачарованный дверной противовес, мне ее в жизни было бы не открыть. Знакомый клерк, господин Свирфнедс, тщательно проверил кристалл с подписью, дающий мне право распоряжаться счетом «Оленьего рога», отпечаток моей ауры,

подозвал кассира и дал указание принять деньги. Кассир пересчитал монеты трижды, проверил суммы на чеках и наконец с поклоном назвал депонируемую сумму – три с лишним тысячи золотых дукатов. Неплохо за один-то вечер! Такое впечатление, что гости ресторана не только стали брать более дорогие блюда, но и резко увеличили количество заказываемых вин, хмельного меда, крепкого келимаса с отрогов южных гор и даже гномьего самогона. Пожалуй, надо сказать Норберту и нашему сомелье Бернару Лакомбу, что спиртное в погребах может закончиться быстрее, чем они ожидали! И еще надо увеличить количество закусок к вину и прочим напиткам: человек может быть сытым и серьезных блюд не заказывать, а вот заесть гномий самогон ломтиком соленого сала с чесноком не откажется.

Ну что ж, с деньгами разобралась. Теперь в Нижний город! Меня ждал госпиталь Святого Фомы.

От остановки фуникулера до него было минут сорок пешком. Начал накрапывать мелкий дождь, и я подумала о кэбе. Вот только как я ни крутила головой, ни одного не было видно, поэтому я тяжело вздохнула, натянула капюшон плаща поглубже и отправилась пешком. Через пару минут за спиной у меня раздались скрип колес и такой же скрипучий голос:

– Мистрис желает кэб?

– Да, отлично! В госпиталь Святого Фомы, пожалуйста! – воскликнула я и с радостью забралась в темную кабинку. Ка-

пюшон снова упал на лицо, и я так и не поняла, откуда на макушку свалился тяжелый удар...

Очнувшись, я почувствовала сразу множество неприятных вещей.

Во-первых, зверски болел затылок. Во-вторых, пошевелить руками не получалось, из чего стало понятно, что они связаны. К счастью, совсем не больно, чем-то мягким и спереди. В-третьих, было душно и пахло пылью, старыми книгами и почему-то ладаном. Сразу очень захотелось чихнуть. Ну и, наконец, в-четвертых, вокруг было темно. Разумеется, я сразу открыла глаза. Я же не была героем авантюрного романа, который, очнувшись со связанными руками и подвешенным за ноги над пропастью, делает вид, что он все еще без сознания, дабы героически подслушать планы врагов. Подслушивать было некого, потому что никаких врагов рядом не наблюдалось. Ах да, было еще и в-пятых. Страшно хотелось в туалет. Ладно, буду разбираться с проблемами по мере возможности, раз уж они навалились все разом. Лежала я вроде бы на полу. Хорошо, что на мне были кожаные куртка и штаны. Темнота стояла не абсолютная – какие-то струйки света пробивались между темными плотными шторами, закрывавшими окно. А поскольку по голове я получила утром, получается, что провалялась без сознания недолго. День был все еще в разгаре. Ноги оказались свободны. Кряхтя, я извернулась и встала, чтобы подойти поближе к свету. Мои запястья опутывала какая-то темная лента. По-

дергав ими, я смогла ее растянуть, а потом и снять. Я свернула ее рулоном и сунула в карман: мало ли, вдруг пригодится? Встречу, например, врага, повергну его ударом и этой вот лентой свяжу. Если какой-нибудь враг вообще соизволит появиться. Такое впечатление, что меня сунули в темную комнату и заперли, чтобы не мешалась под ногами. А кому я могла помешать в последнее время? Не высовывался ли здесь хвост от истории с бульоном?

Так, минуточку!

Ведь мистрис Робертс обычно приходила убираться с утра – у нее были все ключи. Она мыла полы, вытирала пыль и приводила в порядок кабинет Норберта, гардероб для клиентов и нашу раздевалку. И бульонный диверсант был в ресторане с утра. Вот только я не знала, в какое время уходила мистрис Робертс. Обычно первым в «Оленьем роге» появлялся Фред, закупавший на рынке свежие продукты. Часов в восемь утра он привозил и раскладывал по холодильникам мясо, рыбу и овощи, а после отправлялся досыпать. Если предположить, что мистрис Робертс около восьми приходила и начинала мыть... часа три это должно было занять. Если не четыре. Получается, с восьми до полудня она каждый день была в ресторане в одиночестве. То есть уборщица вполне могла в это время впустить кого-то постороннего. Или, как вариант, могла сама всыпать нечто несвойственное в размороженный бульон.

Нет, всыпать не могла. Она, конечно, была с тараканами в

голове, но зато абсолютно честная. Скорее, возможен вариант какой-нибудь подруги, мол, ах, дорогая, я так хочу посмотреть, где ты работаешь! Тоже нет... это неестественно выглядит, так может разговаривать светская дама или дама, изображающая светскую. А мистрис Робертс работала уборщицей, и подруги у нее наверняка были такие же: женщины среднего возраста, всю жизнь занимавшиеся нелегким трудом. Но Талина Макдугал сказала что-то про вторую работу у леди Линнерс, кажется. И вот оттуда вполне могли расти корни этой истории.

Все, надо было выбирать. Надо было работать. Надо было выяснить, кто такая леди Линнерс и какое отношение она могла иметь к испорченному бульону. Или не могла. Я повернулась спиной к окну и осторожно, чтобы не споткнуться обо что-нибудь, двинулась к противоположной стене. Она была холодной и шершавой, двери не наблюдалось. Ведя руками по поверхности, я пошла вправо – ага, вот и она! Деревянная дверь, щели пальцами не прощупывались, света за ней видно не было. Тихо. Похоже, что никакие враги не собирались немедленно лишать меня чего-нибудь дорогого или страшно пытаться, чтобы узнать рецепт приготовления десерта «Зеленые аллеи». Более того – похоже, что никаких врагов поблизости не было вообще! Несерьезно как-то ко мне относились. Это даже обидно.

Я размяла пальцы. Сперва надо было попробовать зажечь свет.

– S'ïlringa faina!

Неяркий голубой огонек зажегся передо мной. Ах, боги и демоны, как же вовремя ко мне вернулись магические способности! И как же приятно снова не только *уметь*, но и *мочь*!

При свете я осмотрелась. Это была довольно большая комната. Спальня, судя по всему – в углу темнела кровать с балдахином. И почему, интересно, мои похитители не положили меня на нее, а свалили на пол? Я им что, мешок с крупой? Сумку, кстати, не утащили, а аккуратно положили рядом. Интересно, у меня что-то в ней осталось? Перекопав содержимое сумки, я была немало озадачена: ничего не пропало. Деньги в кошельке не тронуты, чековая книжка как лежала в застегнутом кармане, так и лежит, расписка из банка на месте. Ключи от дома, ключи от ресторана... Святая Эрменджильда, да они даже коммуникатор мне оставили! Прямо как дети, честное слово. Правда, он не работал, но, может быть, это стены глушили сигнал? Хорошо, посмотримся в этой комнате.

Окно было закрыто плотными шторами, как мы уже установили. Два кресла, а между ними – небольшой круглый столик. Стены были светлые, зеленоватые или голубоватые, в этом освещении цвет разобрать не получалось. Странно, пыли совсем не было, а уж на балдахине ее должны были собраться просто тонны. Можно предположить, что спальней этой пользовались не так давно. Я подошла поближе к кроват-

ти. Она была застелена, и белье вроде бы выглядело чистым. Ладно, это лирика. Если это спальня, то при ней должны быть, пардон, удобства. Да, рядом с кроватью белела небольшая дверка, а за ней... Ура!

Через пару минут, вдохновленная встречей с отменно работающей канализацией, я уже вплотную подошла к вопросу «что делать со входной дверью?». Подергав ее, я убедилась, что она была закрыта. На ключ, надо полагать. Кто же будет ставить засов на дверь спальни снаружи? Ну что же, замок был железный, а участь всякого железа – ржавчина.

– *Linyenva asto!* – С тихим шуршанием он рассыпался в ржавую пыль, и я осторожно открыла дверь. Шарик света нырнул впереди меня в короткий коридор и осветил слева еще одну дверь из такого же темного дерева. Я потянула за ручку, вход открылся свободно. Так, посмотрим, куда он ведет.

Вторая спальня, но явно женская: бежево-розовая гамма, какие-то флаконы на полочке возле большого зеркала. Окна тоже закрыты плотными шторами. Интересно, откуда такая нелюбовь к дневному свету? Только не надо мне рассказывать сказки про вампиров: во-первых, не поверю, во-вторых, по-моему, сама идея омерзительная. И вообще, про болезнь порфирию я читала.

Кстати, вот в этой спальне давно не убирались – зеркало явно запылилось. То есть можно было сделать вывод, что женщина сейчас здесь не жила или ночевала во второй

спальне вместе с мужчиной. Вот только все мои выводы ничего не стоили без достоверной информации. А ее-то как раз у меня пока и не было. Ладно, пошли дальше.

Короткий коридор вывел меня в следующий – широкий и длинный. Две первых двери были заперты, и я без особых моральных терзаний обратила в ржавую пыль и их замки. Совершенно зря, как оказалось: обе комнаты были пустыми. Зато штор здесь не было, и я смогла выглянуть наружу. Окно выходило в сад, сквозь кроны деревьев можно было разглядеть смутные очертания соседнего дома. Ни одно окно там не светилось.

Немного поразмыслив, я вернулась в «свою» спальню и забрала сумку. Пусть при мне будет, мало ли что. Если придется срочно убегать, может и не случиться возможности вернуться за ней. Кстати, я бродила по неизвестному дому безо всякой опаски, а что, если появится хозяин? Я совсем не уверена, что он предложит мне чашечку чаю. Вполне может и запереть, связав покрепче. Оружия у меня, конечно, никакого не было; с боевыми заклинаниями тоже плоховато. У меня способности к лечению и к бытовой магии. На всякий случай я еще раз покопалась в сумке. Так, а это что? В руки мне попался длинный и гибкий предмет, что-то вроде прута, зарытого на доньшке. Достав его, я какое-то время пялилась, а потом меня осенило: это же кийога! Точно, этой весной в Люнденвике вдруг появился уличный грабитель, нападавший на молодых женщин вечером и ночью. По-

сколько возвращаюсь я с работы именно поздно ночью, Норберт купил для меня эту вот телескопическую дубинку. Если встряхнуть ее особым движением, вылетает увесистая палка на пружине. Я тогда хорошо натренировалась ею пользоваться, но тут грабителя поймали, дубинка была закопана в сумку, и я о ней забыла. Отлично! Можно было считать, что я вооружена на случай встречи с врагом во плоти.

Что там дальше? Дом был построен, судя по всему, в форме буквы П, и следующий кусок коридора скрывался за поворотом. Я аккуратно выглянула за угол и моментально спряталась обратно: коридор упирался в дверь, она была приоткрыта, оттуда падал яркий свет. Более того, было слышно, как за этой дверью кто-то негромко напевал! Значит, этот странный дом был вполне жилой, и его обитатель мог в любой момент выйти из комнаты, поймать меня за шиворот и снова связать, только уже крепче. Не знаю, зачем я понадобилась похитителям, но как-то не слышала раньше, чтобы в связанном виде кого-то тащили к счастью.

Для начала надо было спрятаться.

– Ava sen inye! – сказала я тихонько.

Отлично, невидимость должна продержаться десять минут. Что мне выгоднее – постараться сбежать или нейтрализовать того, кто там спокойно напевал, и выяснить, что от меня хотели? Если я сбегу, не факт, что не догонят. И знать, зачем меня похищали, тоже было бы полезно. Ну, вот и решено: буду храброй. Для разнообразия.

Я подошла к двери и чуть увеличила щель, надеясь, что дверные петли смазаны. Не заскрипели, спасибо им большое. Человек сидел за письменным столом и что-то писал в большой тетради. Потом захлопнул ее, потянулся и включил компьютер. Заиграла веселенькая музыка, хорошо мне знакомая: я сто раз видела, как Норберт играл в «Злобных мух». Все, теперь можно было бы плясать и громко петь: человек не оторвется от компьютера. Я подождала пару минут, чтобы хозяин кабинета хорошенько втянулся в игру, потом вошла и, поскольку сидел человек ко мне спиной, просто стукнула его своей прекрасной кийогой по затылку.

– Потом доиграешь, дружище! – прокричала я, стаскивая тело с кресла и связывая его руки шнуром от штор. Вторым таким же я связала ноги: мало ли, может он чемпион по ниппонским единоборствам и одной ногой может сразу троих победить? Не буду рисковать. И те ленты, которыми меня связывали, не стану использовать. Больно уж легко я их развязала.

Вот теперь можно было оглядеться.

Полки с книгами, письменный стол, глубокое кресло за ним. Стопка бумаг на столе: какие-то счета, собранные под скрепкой, пара писем, та самая толстая тетрадь. Под бумагами блокнот в пухлой кожаной обложке, похож на ежедневник. Я бы сказала, что этот кабинет принадлежал купцу или мелкому чиновнику: мебель недорогая, да и никаких магических охранок не чувствовалось. Вот только с какой стати

кому-то привозить меня в дом некоего купца или мелкого чиновника, чтобы запереть в спальне? Ладно, поглядим, что есть в столе. Вдруг что-то нужное обнаружится, тогда займусь грабежом. Я выдвинула ящики – документы, какие-то расчеты. О, пистолет! Ладно, я все равно не пойму, заряжен он или нет. С другой стороны, оставлять оружие гипотетическому противнику не хотелось. Осмотревшись, я заметила возле книжного шкафа круглый аквариум на небольшом столике. Вот и славно, проверим мою находку на плавучесть. Пистолет булькнул и опустился на дно, распугивая ленивых вуалехвостов, а я продолжила осмотр. В других ящиках стола ничего примечательного не обнаружилось. Нижний вообще оказался пустым. Нет, минуточку! Вот здесь, в верхнем ящике, что-то было не так. Что-то я пропустила. Увеличив освещение и повесив светящийся шарик прямо над ящиком, я увидела сбоку узкую щель между боковой стенкой и дном, потом нашла на столе большую скрепку и попыталась эту щель расширить. Через пару минут пыhtения и ругательств мне удалось подцепить дно, оно откинулось вверх. Там было узкое потайное отделение, тоже битком набитое бумагами. Раз прячут, значит что-то важное. Не разглядывая – дома изучу в подробностях, – я сунула их в сумку, которую чело-веколюбивые налетчики у меня не отобрали. Пожалуй, ежедневник и тетрадь тоже нужно было прихватить, пригодятся. Что еще тут есть? Надо быстро смотреть да ноги уносить. А то спохватятся похитители, и запрячут меня уже в подвал, из

которого так легко не выберешься... Под ногой скрипнула паркетная шашка. Любопытство заставило меня опуститься на колени и ощупать пол. Паркет, кстати, тут был красивый, выложенный темным и светлым деревом. Да и вообще, мне кажется, что этот дом когда-то любили, растили в нем детей, веселились и горевали. А теперь хозяину, в общем, все равно, что с домом случится завтра...

Ну, хорошо, так что же у нас тут? Одна из паркетин при нажатии приподнялась, и я увидела, что там блестел металл. Сейф? А что, была одно время большая мода на сейфы, вделанные в пол. А если так, интересно, подействует ли на него то же самое заклинание ржавчины?

Я повторила:

– *Linyenva asto!*

На сей раз в ржавчину превратился только крепеж, удерживающий несколько паркетных досок, и, откинув их, я увидела массивную круглую латунную крышку с кодовым замком и завинчивающейся ручкой, будто у люка в дирижабле. Ага, вот почему заклинание ржавчины не подействовало. Ну вот, а я и не знаю, как разрушить латунь. Расплавить, разве что? Но тогда сейф можно не вскрывать, все равно все внутри сгорит. Код мне было не угадать, в нем шесть цифр. Что же, он останется невскрытым? Я тяжело вздохнула и для очистки совести покрутила ручку. Тяжелая крышка скрипнула и приотворилась, давая мне возможность заглянуть внутрь. Сейф был практически пуст. Внимательно

осмотрев его, я обнаружила две маленьких жемчужины и шелковый платок, в который было что-то завернуто – коробочка, как для небольшого ювелирного украшения. Внутри лежало кольцо: простой тоненький ободок. Серебристый. Серебро или платина? И голубой камень в тонкой оправе, размером с ноготь моего мизинца. От кольца отчетливо веяло Силой. Ура-ура, я и потоки Силы опять могла чувствовать! Коробочку тоже положила в сумку.

Все, теперь надо было привести в чувство мою жертву, быстренько поспрашивать и бежать. Но приходить в себя хозяин кабинета не пожелал. Не помогли ни похлопывание по щекам, ни вода из аквариума. Неужели я так сильно его стукнула? Я попыталась измерить пульс на его шее и сразу смогла это сделать. С перепугу, видимо. Жив. Я его не убила, моя совесть чиста. Внимательно всмотревшись в лицо мужчины, я постаралась запомнить его как можно лучше: шатен, лет тридцать пять – сорок, ямочка на подбородке. Пожалуй, две особые приметы я смогу сообщить страже: широкий и хорошо заметный шрам на лбу, параллельный правой брови, и уши без мочек. Все время, пока я шарила в столе, вскрывала сейф и вообще безобразничала, жертва в себя не приходила. Но вот именно сейчас, когда я разглядывала ее лицо и запоминала приметы, глаза мужчины открылись. Они оказались серо-голубыми. Хуже было другое: он очень внимательно на меня посмотрел и, скорее всего, запомнил. Невидимости моей уже пришел конец. Я зажмурилась и снова стукнула бед-

нягу по многострадальной голове. Буду надеяться, он долго не придет в себя, а когда очнется, не вспомнит моего лица.

Все, надо было делать ноги. Очень уж хотелось поскорее сообщить Дэну, где я находилась.

Дверь из коридора на лестницу была открыта. Спустившись на первый этаж, я без труда обнаружила выход и выбралась в небольшой заброшенный сад. Надо бы, пожалуй, от пыли отряхнуться, а то первый же патруль городской стражи меня арестует за бродяжничество. Под старой яблоней, на ветке которой висело одинокое желтое яблоко, стояла бочка, до краев наполненная водой. Я посмотрелась в это импровизированное зеркало, тяжело вздохнула и полезла за носовым платком. Хоть лицо протереть, а то так любой гном за рудокоса примет...

Я сорвала яблоко и вышла через покосившуюся калитку. Вокруг не было ни одной живой души, и стояла тишина, как в лесу перед дождем. Куда же меня завезли? Не так уж много прошло времени, значит, я должна была быть все еще в Люнденвике. Плохо дело. Заброшенные дома, ни в одном, кроме покинутого мною, свет не горел. Во многих из них окна снаружи были закрыты плотными ставнями, сады заросли травой и какими-то кустами и деревцами. Вот же тьма, неужели это Косой Треугольник?

Косой Треугольник, самый странный район Нижнего города, был внезапно оставлен всем его населением. Люди

и нелюди (а здесь жили, помимо многочисленных хомо, несколько оборотней и пара ассимилировавшихся орков) оставили все, что нельзя было погрузить в телегу и увезти – дома, сады и огороды – и ушли. О причинах такого поступка их, разумеется, не один раз спрашивали городские власти, которым пришлось решать проблему с жильем. Расспрашивали жителей и стражники, а затем Служба безопасности. Пытались добиться ответа маги и представители Королевского совета, но все, покинувшие дома, как один не произнесли ни слова о том, что именно они оставили за спиной. При попытке прочтения маги-менталисты буквально наткнулись на стену и преодолеть ее не смогли. Было принято решено обследовать Косой Треугольник. Мало ли какие там могли завестись неприятности? И первыми в поход отправился отряд студентов Магической академии под руководством декана факультета общей магии: результаты им должны были зачесть как дипломную практику. На обследование района дали три дня. Ни один из студентов не вернулся через положенное время, что было странно. Еще более странным оказалось то, что не вернулся и декан. Он не отвечал ни на какие попытки связаться с ним. На поиски пропавших отправили группу безопасников, усиленную тремя боевыми магами. Студентов нашли довольно быстро – те весьма грамотно держали оборону в подвале одного из брошенных жилых домов, в лучших канонах боевого магического искусства выставив охранный периметр, усилив его самонаводя-

щимися файрболами и закрыв куполом. Декан был в коме и, насколько мне известно, так из нее и не вышел. Студенты же о том, что с ними произошло, молчали вмертвую. Из Косого Треугольника их группу безопасники вывели легко и просто, а вот когда они попытались вернуться, чтобы всерьез обследовать район, по границе его мгновенно выросли густые колючки и оплели все.

Спящей красавицы в этой части города никогда не водилось, поэтому рубить колючки мечом никто не стал. Тогдашнему главе Службы безопасности терять людей не хотелось, никаких жизненно важных объектов в Косом Треугольнике не было, поэтому король приказал вопрос закрыть, пока оттуда не полезло что-нибудь совсем уж ненужное. А что, бывали такие случаи, когда безбашенные друу решили осваивать Истхавенский хребет и по незнанию сдвинули проклятие Древних...

Район решено было закрыть для посещений, по границе его выстроили ограду, не имевшую ворот, а по периметру пустили наряды стражи. Произошло все это лет двадцать пять – тридцать назад, то есть еще при прежнем короле, но и по сей день никто из бывших жителей Косого Треугольника или их потомков не изъявил желания вернуться и воспользоваться бывшим имуществом.

Ну что ж, похоже, что я на собственной шкуре узнаю, почему этот кусок земли был заброшен. Главное, чтобы хозяин покинутого мною дома не смог развязаться и вызвать подмо-

гу. Плохо было то, что внутри Косого Треугольника не работали коммуникаторы. То есть позвонить немедленно Дэну и закричать «Спасите! Караул!» я не могла. Вот почему загадочные похитители даже не стали перетряхивать сумку.

– Ну, – бодро сказала я себе, – определимся на местности и пойдем. Как ни крути, до ограды я должна добраться быстро.

Через час я уже не была в этом так уверена. Да что там, я ни в чем не была уверена – за время, прошедшее с момента, когда я выбросила яблочный огрызок, даже одноногий пьяница, потерявший костыли, добрался бы до треклятой ограды. Но сколько я ни оглядывалась, она не мелькала вдалеке сквозь скудные желтые листья. Начинало темнеть. Снова стал накрапывать дождь, и настроение неуклонно снижалось от отметки «Щас мы их одной левой!» до «Супчика бы горячего...» Я выбрала возле покосившегося забора лавочку посуше и села. Нужно было подумать, а не гоняться за собственным хвостом. Итак, включаем логику. Если меня сюда привезли в кэбе, значит, есть дорога. Меня же не тащили за левую ногу, ударяя попутно обо все кусты! Должны быть дорога шириной как минимум два метра и ворота, дыра, пролом в ограде, через которые кэб въехал и выехал. Значит, нужно вернуться к той калитке, из которой я вышла, и искать оттуда следы колес. Дорога мокрая, грунтовая – камнем тут отродясь не мостили. Должны были быть следы, нужно просто знать, что искать. Явно на пути к выходу стояла «за-

воротка» – заклинание, не дающее пройти, поворачивающее путника назад. Преодолеть ее очень просто: как только понимаешь, что встретилось именно оно, нужно двигаться вперед, не отрывая взгляда от дороги, будто идешь по канату. Разумеется, следы были. Подсвечивая себе в сгустившейся темноте холодным голубым светляком, я дошла до высоких колючих кустов, неплохо маскирующих здоровенную дыру в ограде, и просочилась сквозь нее аккурат к моменту обхода патруля городской стражи.

– Ну ты даешь! – со сдержанным восхищением сказал мне Дэн, распахивая решетку женской камеры городской тюрьмы. – А ведь была вполне приличной девочкой... лет до пяти. И кто бы мог подумать, что ты попадешь под арест за незаконное проникновение на охраняемую территорию, сопротивление задержанию, нанесение тяжких телесных повреждений работникам городской стражи, находящимся при исполнении, нарушение спокойствия... В общем, ужас!

Две дамы легкого поведения, делившие со мной в последний час эту миленькую комнату с решетчатой дверью, засветили и зааплодировали в знак поддержки, и я с гордостью поклонилась в их сторону.

– Спасибо, что вытащил так быстро, – уже серьезно сказала я Дэну, когда мы разместились в его экипаже. – Надо Норберту позвонить, я же опоздала несусветно!

– Я ему уже все сказал, не волнуйся. Сразу же после того, как поговорил с тобой. Тебя ждут в ресторане завтра в

обычное время.

– Спасибо, – повторила я.

– Давай рассказывай, – велел майор Паттерсон. – Во что ты влипла? И кой Темный понес тебя в Треугольник?

– Ты знаешь, я и сама пока не поняла. Я всего-навсего поехала вчера в Нижний город за пряностями в чинскую лавку...

Пока я излагала Дэну все подробности вчерашних и сегодняшних походов, мы успели добраться до моего дома и вскипятить чайник. Несмотря на то, что за весь день после завтрака я съела только то самое яблоко, есть мне не хотелось. Вообще-то, наступил классический «отходняк». Меня начало потряхивать от запоздалого страха, холода, понимания того, что никто и никогда бы меня в Косом Треугольнике не нашел, даже королевский маг. Там же не только техника глушилась, туда вообще никакие сигналы снаружи не поступали, в том числе магические! И потом, кому бы в принципе пришлось в голову меня там искать?

Я сидела в кресле, поджав под себя ноги и держа двумя руками кружку с горячим чаем, куда Дэн щедрой рукой бухнул чуть ли не полстакана моего лучшего келимаса, куталась в плед и старательно представляла все ужасы того, что могло бы со мной случиться. Под пледом в кресле было совсем не страшно это делать, а когда я дошла до собственного привидения, изводящего гнусных похитителей стонами, завываниями и звоном цепей, мне и вовсе стало смешно.

И тут мысли как-то сами собой обратились в сторону этих самых похитителей.

– Я так думаю, что эти приключения начались или от банка, или от дома мистрис Робертс, – сказала я. – Непонятно только, почему они меня не прирезали, а просто затащили в ту дыру и оставили. Как-то это нерасчетливо.

– Ты понимаешь, – Дэн присел напротив с рюмкой кели-маса, – любому нормальному человеку или нечеловеку очень трудно перешагнуть в себе эту грань: убить разумного.

– Но мистрис Робертс убили, ведь так?

– Да, убили.

– И что, мы уже знаем, как именно?

– Отравили, но, конечно, грибы тут ни при чем. Установлено, что это был растительный алкалоид, не имеющий к ним никакого отношения. И в таком количестве, что можно было бы дракона в основной ипостаси убить. Я думаю, дело в том, что вашу уборщицу именно отравили – убили на расстоянии. Преступник не видел, как она умирала, поэтому как бы и не приложил к этому руки. А вот тебя надо было убить непосредственно, будучи рядом и глядя на получившийся в результате труп.

– Труп? Это ты про меня? – икнула я от ужаса.

– Э-э-э... Знаешь, я поставлю охрану возле твоего дома. Не возражаешь? И магические сигналки на окна и дверь.

– Я же не сумасшедшая, чтобы в такой ситуации возражать. Лучше даже не «возле», а в самом доме. Не настаиваю,

чтобы непосредственно в спальне, но рядом. Ну или так, чтобы их было видно из окна. – А сигналки я и свои добавлю, подумала я. – Вот только не пойму, чего же они добиваются...

– Пойдем. Главное, чтобы не было поздно...

Проводив Дэна, я развесила сигнальную паутину по всем отверстиям в доме, в которые могло проникнуть что угодно крупнее мыши, трижды проверила механические запоры на окнах и дверях, несколько раз выглянула на улицу, чтобы убедиться, что обещанная охрана на месте и не спит. Словом, свежеприобретенная паранойя росла и процветала.

С другой стороны, общеизвестно, что если у вас паранойя – это не значит, что за вами не следят. Повторив эту жизнеутверждающую сентенцию, я отправилась спать. И как ни удивительно, даже заснула.

Снились мне такие увлекательные кошмары, что было даже немного жаль в очередной раз просыпаться с криком: то за мной по темным улицам Косого Треугольника гонялась толпа скелетов со светящимися красными глазами, то я ухитрялась заблудиться в коридорах королевского дворца и на меня с потолка лился кипяток... Уже под утро я заснула так крепко, что не слышала ни вызов коммуникатора, ни стука в дверь, а проснулась только тогда, когда мои сигналки выдали сирену и одновременно с этим прозвучал чей-то вопль.

Как оказалось, когда я не ответила на вызов коммуникатора, Дэн забеспокоился и послал мальчика-стажера прове-

ритель, не украли ли меня еще раз. Добросовестный стажер постучал в дверь и, не получив ответа, решил зайти и проверить... Я отключила сирену, отпоила заикающегося стажера успокоительными каплями (а кто бы не дрожал, увидев в темном коридоре огромного мохнатого красноглазого паука? Вот такая у меня получилась охранная сигнализация) и оттерла с его физиономии и куртки светящуюся краску, которой выстрелила вторая сигналка.

В общем, когда я посмотрела на часы, было уже почти три часа дня. Надо было собираться на работу.

26 сентября 2183 года

Слава всем богам, в ресторане все было как всегда – шумно, суматошно, вкусно. Майя мне едва кивнула, шепча губами легкое заклинание над застывающим фисташковым мороженым. Хаким, напротив, страшно обрадовался, схватил за руку и потащил к пряной кладовой, приговаривая:

– Ты где бродишь, тут без тебя жить невозможно! Никто не знает, где шамбала, где можжевельник, где фенхель! Нету, говорят, надо Лизу ждать. А как ждать? Клиент-то ждать не будет. Мясо ждать не будет!

Я погрузилась в работу – выдавала, взвешивала, отмеряла, растирала и обжигала. Срочно потребовались розовый перец и тертый свежий имбирь для харзуля, это такая очень редкая речная рыба; горячие закуски невозможно было приготовить без трюфельного экстракта и апельсинового желе;

свежий базилик кончился, кажется, разом и во всем городе, и нужно было в пожарном порядке придумывать замену; хорошо, что в порыве любопытства я купила в чинской лавке траву периллы в стазисной упаковке (а как еще доставить с другого конца континента, из Наньцзина, эти свежие зеленые листья с бордовой оторочкой?). Ароматом перилла весьма схожа с базиликом, только поглубже. Словом, это был нормальный рабочий вечер, восхитительный в своей непредсказуемости.

Когда первая волна схлынула, ко мне в комнату зашел Норберт.

– погоди минутку, – попросила я, отсчитывая капли огуречного экстракта. Капнешь одну лишнюю, и все блюдо на смарку.

Смешав необходимые ароматы, я закупорила флакон с притертой пробкой, подписала его и отставила в сторону. Отлично, на ближайшие три дня для десерта «Зеленые аллеи» ароматизатор подготовлен, а больше он и не хранится.

Повернувшись к Норберту, я сказала:

– Ты очень кстати. Я тут вчера, пока в банк деньги сдавала, посмотрела на список того, что в последнее время заказывали гости. Ты замечал, что стали брать больше вина? Особенно дорогого.

– Заметил. А что?

– Да то, что у нас винный погреб размером с сундучок для вышивки! Нужно срочно делать новый, иначе мы рискуем

оказаться в ситуации, когда за заказанной бутылкой придется бежать в соседний магазин.

– Где? – Норберт встал с табурета и попытался пройти по моей комнате. Ага, примерно два шага ему удалось сделать, потом помешал холодный шкафчик для трав.

– Что – где?

– Где ты предлагаешь сделать новый винный погреб? Я когда ресторан проектировал, вообще об этом помещении чуть не забыл, в последнюю минуту Дэвид напомнил.

Действительно, с этим проблема. Подвал здания, где располагался «Олений рог», был совсем небольшим, и увеличить его, к сожалению, не было никакой возможности.

– Может, во дворе пристройку какую сделать? – безнадежно предложила я.

– Где у нас двор? Еле-еле хватает места для летней веранды на шесть столиков. Тогда уже проще купить воздушный шар и подвесить над крышей, там и разместить винный... э-э-э... чердак! – хмыкнул Норберт.

Мы помолчали, представляя себе эту сюрреалистическую картину: над крышей классического Люнденвикского двухэтажного особняка взмывает ввысь разноцветный воздушный шар, и с него по канату спускается Бернар, сомелье, двухметровый красавец-блондин, зажав в зубах корзинку с бутылками.

– Вообще-то, я похвастаться пришел, – сказал Норберт. – Не знаю, с кем ты во дворце говорила, кроме нашего Дэви-

да, но на ближайшую неделю у нас на каждый день заказан отдельный кабинет для нужд дворца.

– Да ладно! Слушай, это здорово. А заказ без имен?

– Пока да. Ну, разумеется, есть жесткие условия. Как без них...

– Какие условия?

– Например, оговорено, что кабинет должен быть угловой; что ежедневно перед открытием ресторана маги Совета будут проверять все вокруг на предмет чего-нибудь, непредусмотренного кулинарными книгами и справочником по этикету.

– Ну что же, – я пожала плечами, – имеют право. После всех последних приключений я бы сама потребовала тщательной ежевечерней проверки, хотя бы для нашего спокойствия. А кто именно заказывал?

– Штат фрейлин ее величества, госпожа Файролл.

Гвендолен, спасибо, дорогая подруга! С меня причитается лучший шоколадный десерт из репертуара Майи!

– Ясно. Это здорово, мне кажется.

– И вторая хорошая новость, я всех уже порадовал – с понедельника на работу выходит Фред.

– Прекрасно! Прямо хоть думай о расширении.

– Вообще-то, – Норберт скромно потупился, – я уже подумал. Соседний дом продается вместе с участком земли. Можно было бы сделать еще зал и несколько кабинетов, и летнюю веранду, и сад. И винный погреб настоящий устро-

ить, несколько комнат с разными температурами – для белых вин, для красных, для игристого...

– Ага, не забудь еще, что келимаса и гномьего самогона позавчера заказали столько же, сколько весной брали за неделю! Значит, для них тоже нужны помещения.

– Верно! И комната-сейф для особо ценных напитков! – Норберт мечтательно прикрыл глаза, а я задумалась.

– Еще хорошо бы сделать сигарную с камином и хьюмидор при ней, – я вздохнула. – Отличные все идеи, но если мы хотим расширять винный погреб, значит, надо начинать посылать кого-то на винные аукционы. Хотя бы в Галлию и Лаций для начала.

– И пошлем, почему бы нет! Вот только не знаю, продержится ли столько наша популярность?

– Посмотрим, как дела пойдут. Насчет покупки второго здания: ты же не должен принимать решение немедленно?

– Нет, конечно. Агент его для нас придержит. Особо желающих на него нет, и с этим тоже надо бы разобраться. Но ты понимаешь, с покупкой возникает еще одна большая проблема...

– Какая?

– Мой бюджет может не выдержать все это: и покупку соседнего дома, и ремонт с переделкой в новом здании, и поддержание работающего ресторана, и винные аукционы еще... Надо брать кредит или искать в долю компаньона. – Норберт вздохнул. – А мне, должен тебе признаться, страш-

но не хочется пускать сюда кого-то чужого. Получается, придется останавливаться на варианте с кредитом. Надо полагать, Драхтагалергн-банк мне не откажет.

Думала я недолго. Норберт ничего не знал о моем финансовом положении – я ни с кем это не обсуждала. Я могла бы купить не только соседнее здание, но и еще десяток домов в Верхнем городе, и у меня после этого останутся деньги на новые занавески. Действительно, не хотелось бы, чтобы здесь, в «Оленьем роге», появился кто-то чужой с возможностью командовать, указывать или увольнять. Нам господина Ландорсэля хватило за глаза. Мне здесь так комфортно, как было только дома, в Вицнау, в моей комнате на третьем этаже с видом на снежные пики гор.

– А компаньона ты планируешь брать на какую долю? – поинтересовалась я.

– На сорок девять процентов.

– Давай ровно половину, и я в деле! – Я достала чековую книжку.

27 сентября 2183 года

Пребывание в Косом Треугольнике ничему меня, по-видимому, не научило, и на следующий день я решила выяснить, кто такая леди Линнерс и может ли она иметь отношение к нашим неприятностям.

То есть меня снова потянуло сунуть нос в осиное гнездо. Вариантов было три: во-первых, спросить у Талины Мак-

дугал адрес леди Линнерс, но снова отправляться одной в Нижний город очень не хотелось. Во-вторых, можно было посмотреть, есть ли какая-то информация об этой даме в Сети. И в-третьих – спросить у Гвендолен Файролл, потому что уж кто-кто, а она должна знать всех обитателей Верхнего города. Хотя бы просто в силу служебных обязанностей. Таким образом, естественным путем я решила начать с Сети, а уж если там информации будет недостаточно, задавать вопросы Гвен.

Восхитившись собственной логичностью, я включила компьютер и полезла в мутные волны Сетевых новостей. Сеть о леди Линнерс выдала удивительный минимум информации: неизвестной давности и кошмарного качества фото, на котором с трудом можно было отличить леди в шляпе от горшка с цветком (правда, шляпа была знатная, я бы даже сказала – развесистая), и совсем короткую биографическую заметку, даже без даты рождения – родилась и ныне проживает в Люнденвике, покойный супруг был советником короля по строительству и дорогам. И все-таки я встречала это имя, причем совсем недавно. Меня заело, и я стала копаться в записях и закладках и нашла то, что искала, а после чего могла только облегченно расхохотаться. Примерно полгода назад, по просьбе младшего брата Герри, я подбирала материалы для его курсовой работы. Она была посвящена истории строительства и развития дорог в Бритвальде, и именно там мне попало имя – но не леди, а лорда Линнерс!

Обзор развития дорожного строительства в Зеленом Эрине. Двадцать пять лет назад! Значит, надо полагать, этой леди было лет за семьдесят, и вряд ли она развлекалась в свободное время отравлением бульонов на ресторанной кухне. Конечно, у нее могли быть родственники, дочь или племянница с тем же именем, я это еще проверю. Но судя по тому, что Сеть выдавала одну-единственную леди Линнерс, эту дорожку можно было закрывать.

Уже этим вечером зарезервированный столик в угловой кабинке был занят тремя дамами в шелковых, расшитых цветами полумасках. Гвендолен я опознала сразу и немедленно попросила Майю сделать тот самый шоколадный фондан с малиной и ягодами кармалии, который стоял на первом месте в списке предлагаемых нами десертов. Во-первых, Майе он удавался всегда, во-вторых, вкус получался совершенно божественный. А я помню страстную любовь Гвен к шоколаду еще по монастырской школе, где он доставался нам нечасто. Полумаски неожиданно стали модными в люнденвикском свете после визита их величеств в Серениссиму. Оттуда сопровождавший их двор вернулся с рассказами о потрясающих праздниках на воде, о городе, где лодки заменяли экипажи и было принято больше половины года закрывать лицо маской, о сиянии огромных люстр из разноцветного стекла и могуществе правящего клана водных магов Контарини.

Я в светских мероприятиях не участвовала, рассказов сама не слышала, но свободную прессу никто не отменял, и на-

ши газеты исправно пополняли коллекцию этих красочных историй. А на городских улицах Люнденвика, Честера, Бата и других городов Бритвальда появлялось все больше дам в полумасках. В глянцевах журналах модные страницы наперебой предлагали все новые и новые варианты оформления этого аксессуара: вышитые шелком и украшенные кружевами, отделанные мехом и бисерной бахромой. В общем, фантазия люнденвикских галантерейщиков работала бесперебойно.

В основной зал я не выходила, мне сегодня хватало работы – ресторан был полон, повара крутились как белки в колесе. Как нарочно, больше половины заказов шло со специальными указаниями клиента: кто-то не выносил жареный лук, кто-то желал непременно добавить в соус трюфелей или жгучего мадьярского перца; у кого-то была аллергия на цитрусовые или приправы, и требовалось срочно внести изменения в рецептуру. После того, как пару лет назад один из гостей чуть не умер от анафилактического шока из-за аллергии на бадьян (а мы всегда добавляем бадьян к жарящемуся луку для мясных соусов, он очень усиливает аромат), мы крупными буквами пишем на каждой странице меню: «Просим предупредить официанта об имеющихся аллергиях!» Так что я вслед требованиям и пожеланиям гостей прыгала от полки с приправами к весам и от ступок к стазисному шкафчику и даже не обратила внимания, когда дверь в комнату снова открылась. Но это был не один из поваров, пришедший

за пряностями, и даже не официант со списком изменений: на пороге я с изумлением увидела низенького толстячка со смешной прической – высоким начесом надо лбом. Господин Ландорсэль, какая неожиданность! А мне-то казалось, что этот персонаж был уже неактуален.

– Так, а что у нас здесь? – проговорил он через плечо, обращаясь к почтительно склонившемуся за его спиной тощему субъекту с бритой головой, в левой руке которого был блокнот, а в правой – карандаш. Видимо, все сказанное господином Ландорсэлем немедленно заносилось на скрижали, а может быть, даже высекалось в мраморе. – Джимсон, пометь, что здесь я хочу сделать свою комнату отдыха!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.